

ЭДУАРД СЕРОУСОВ



ХИРАЛЬНАЯ
ГРАНИЦА

Эдуард Сероусов

Хиральная граница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72881202

SelfPub; 2025

Аннотация

2084 год. Астробиолог Вера Северцева спускается под ледяную кору Европы, спутника Юпитера, чтобы найти ответ на вопрос, преследующий её всю жизнь: одиноки ли мы во Вселенной? Ответ приходит – но он страшнее любого одиночества. В глубинах чужого океана Вера обнаруживает жизнь – зеркальное отражение земной. И доказательство того, что обе формы жизни были созданы намеренно. Миллиарды лет назад. Кем-то, чьи цели непостижимы. Мы – не венец творения. Мы – эксперимент.

Но Вера отказывается быть просто переменной в чужом уравнении. Она задаст свой вопрос – даже если ответ изменит всё.

Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

Содержание

Часть I: Погружение	4
Глава 1: Письмо в бутылке	4
Глава 2: Пробуждение	17
Глава 3: Спуск	47
Глава 5: Поле Прометея	98
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Эдуард Сероусов

Хиральная граница

Часть I: Погружение

Глава 1: Письмо в бутылке

Есть вопросы, которые лучше не задавать.

Я понял это слишком поздно — как понимают большинство важных вещей. Задним числом, когда ответ уже получен, когда он уже изменил тебя, и прежнего человека, того, кто мог бы повернуть назад, больше не существует. Он остался по ту сторону границы, которую ты пересёк, даже не заметив.

Хиральная граница. Так мы это называли потом. Красивое научное слово для обозначения того, что не имеет названия на человеческом языке. Для обозначения момента, когда зеркало перестаёт отражать.

Позвольте мне рассказать вам о зеркалах.

В тысяча восемьсот сорок восьмом году французский химик Луи Пастер заметил странную вещь. Кристаллы винной кислоты — обычной винной кислоты из обычного винограда — были не одинаковы. Одни отклоняли луч поляризованно-

го света влево, другие – вправо. Пастер разделил их вручную, пинцетом, по одному кристаллу, склонившись над микроскопом в своей парижской лаборатории. Он был молод тогда, полон той особенной уверенности, которая приходит к человеку, когда он ещё не знает, сколько всего ему предстоит не понять.

Кристаллы были зеркальными отражениями друг друга. Левые и правые. Как две ладони – идентичные во всём, но несовместимые. Вы не наденете левую перчатку на правую руку, как бы ни старались. Это и есть хиральность. Рукость. Асимметрия, встроенная в саму ткань материи.

Пастер не мог знать тогда, что эта мелкая странность кристаллов – окно в одну из глубочайших тайн мироздания. Что вся жизнь на Земле, каждая клетка каждого организма, когда-либо существовавшего на нашей планете – от первых бактерий архейского океана до вас, читающего эти строки, – построена исключительно из «левых» аминокислот и «правых» сахаров. Что «правые» аминокислоты и «левые» сахара, идеально возможные с точки зрения химии, на Земле практически не встречаются.

Почему?

Этот вопрос казался нам загадкой эволюции. Случайностью первичного бульона. Мы думали: жизнь могла пойти любым путём, но однажды – миллиарды лет назад – случайная флуктуация закрепила левую версию, и с тех пор все потомки наследуют этот каприз судьбы. Как алфавит. Как на-

правление письма. Могло быть иначе, но стало так.

Мы ошибались.

Мы ошибались так фундаментально, так глубоко, что мне до сих пор трудно подобрать слова. Не потому что их нет – слов достаточно. Но они не вмещают того, что мы узнали. Они были созданы для другого мира. Для мира, в котором мы были хозяевами своей истории.

Я помню день, когда пришло первое сообщение с Европы. Не новость – новость разлетелась мгновенно, её было не удержать. Я помню именно сообщение. Личное. Три предложения на экране, подпись которых я не назову, хотя она хорошо известна – слишком хорошо известна теперь, и я не хочу, чтобы вы читали эти строки через призму того, что знаете о ней, а не через призму того, что они значат.

«Мы нашли жизнь. Она зеркальная. Мы не знаем, что это значит».

Три предложения. Первое – ликование. Второе – озарение. Третье – признание, редкое для учёного, почти невозможное: признание незнания. Не в том смысле, что знание придёт позже, когда соберём больше данных. В другом смысле. В том смысле, что знание, которое придёт, может оказаться чем-то иным, нежели знание. Чем-то, для чего у нас нет категории.

Зеркальная жизнь. Жизнь, построенная на «правых» аминокислотах и «левых» сахарах. Полная противоположность всему живому на Земле. Невозможная – и существующая.

Сначала мы праздновали. О, как мы праздновали. Величайшее открытие в истории человечества – и это не преувеличение. Со времён Коперника ничто так не меняло наше место во Вселенной. Мы не одиноки. Жизнь возникает не только на Земле. Жизнь возникает дважды в одной Солнечной системе – дважды! – и это означает, что она должна возникать повсюду, на миллиардах миров, в бесчисленных галактиках.

Мы смотрели в небо и видели будущее, полное братьев по разуму.

А потом пришло второе сообщение.

Я не стану пересказывать его содержание. Вы либо уже знаете, либо узнаете – всё это давно перестало быть секретом, хотя кое-кто до сих пор верит, что было бы лучше, если бы секрет сохранился. Я не принадлежу к этому лагерю. Я убеждён, что знание – даже такое знание – лучше неведения. Но я больше не уверен в этом убеждении так, как был уверен раньше. Это тоже часть того, что изменилось.

Я хочу рассказать вам не о фактах. Факты вы найдёте в других источниках – в научных статьях, которые продолжают публиковаться, в бесконечных дискуссиях, в материалах комиссий и трибуналов. Я хочу рассказать вам о том, каково это – пересечь границу. Каково это – оказаться по другую сторону зеркала.

Мы смотрели в зеркало и ожидали увидеть себя.

Мы увидели того, кто нас туда поставил.

Подлёдный океан Европы – одного из спутников Юпитера – скрыт под ледяной коркой толщиной в пятнадцать-двадцать километров. Пятнадцать километров. Это больше, чем глубина Марианской впадины. Это толща, непроницаемая для света, для тепла поверхности, для всего, что мы связываем с условиями жизни. Вечная тьма, давление, холод.

И всё же там, у гидротермальных источников, где раскалённая мантия встречается с ледяной водой, что-то зародилось. Зародилось и развивалось миллиарды лет – параллельно нам, не зная о нашем существовании, как и мы не знали о его. Два мира в одной Солнечной системе. Два ответа на один вопрос.

Или – один ответ на два вопроса?

Здесь начинается территория, где я перестаю быть уверенным в значении слов. Вопрос. Ответ. Эксперимент. Экспериментатор. Субъект. Объект. Эти слова имели смысл, когда мы были теми, кто их использует. Когда мы стояли на той стороне уравнения, которая задаёт вопросы.

Но что если вопрос был задан нам?

Что если мы – не те, кто ищет ответ, а сам ответ? Один из ответов. Черновик. Вариант. Контрольная группа.

Хиральность жизни на Земле – левая. Хиральность жизни на Европе – правая. Две перчатки. Две руки. Два эксперимента, поставленных одновременно, в одних и тех же началь-

ных условиях, с одним-единственным различием: направление молекулярной асимметрии.

Случайность?

Мы хотели верить в случайность. Случайность – это свобода. Случайность означает, что никто не выбирал за нас, что мы – результат слепой игры вероятностей, что наша история принадлежит нам. Что мы могли стать чем угодно и стали тем, чем стали.

Но случайность не объясняет того, что мы нашли в геноме европейской жизни.

Генетический код – это язык. Четыре буквы: аденин, гуанин, цитозин, тимин. Три буквы – один кодон. Один кодон – одна аминокислота. Шестьдесят четыре комбинации, двадцать аминокислот, бесконечное разнообразие жизни.

На Земле.

На Европе код другой. Другие буквы – химически подобные, но не идентичные. Другая структура носителя – не двойная спираль, а тройная, устойчивая к радиации и перепадам температур. Другой алфавит. Другой язык.

И вот что мы обнаружили, когда научились его читать.

В этом другом языке, на этом другом алфавите, чужими буквами – были записаны слова, которые мы знали.

Не метафорически. Буквально. Последовательности, кодирующие белки репарации ДНК – механизм исправления

ошибок, общий для всей земной жизни, – присутствовали в геноме европейских организмов. Чужие буквы, чужая грамматика – но те же самые слова. Тот же смысл.

Совпадение? Вероятность конвергентной эволюции, которая привела бы к такому результату, исчисляется числами с сотнями нулей в знаменателе. Это не совпадение. Это невозможно.

И всё же – вот оно.

Две библиотеки, написанные на разных языках, содержащие одни и те же цитаты.

Кто их написал?

Я не знаю.

Это важно: я не знаю. Никто не знает. Всё, что последовало за открытием – гипотезы, теории, религиозные откровения, политические движения, трибуналы, самоубийства, культы, – всё это было попыткой заполнить пустоту незнания. Попыткой придать форму бесформенному.

Гипотеза экспериментатора – так это стали называть. Кто-то или что-то, миллиарды лет назад, засеял два мира одной Солнечной системы жизнью.левой и правой. Чтобы посмотреть, что получится.

Но «кто-то» – это уже интерпретация. Это уже приписывание намерения, воли, цели – того, что мы понимаем, потому что сами обладаем этим. Мы смотрим в зеркало и видим

своё отражение. Мы ищем создателя и представляем его по своему образу и подобию – только больше, умнее, могущественнее.

Что если экспериментатор не похож на нас настолько, что само слово «экспериментатор» бессмысленно?

Что если мы – не эксперимент в том смысле, в каком мышь в лаборатории – эксперимент? Что если мы – что-то иное, для чего нет названия?

Что если создатель не более осознаёт нас, чем мы осознаём бактерий в своём кишечнике?

Или – что хуже – что если осознаёт?

Людям нужны истории. Это не слабость – это способ выживания. Мы живём в историях. Рождаемся в них, умираем в них, передаём их следующим поколениям. История объясняет мир. История делает его выносимым.

И вот – история, которая не завершена.

Худшее, что может случиться с историей, – это не трагический финал. Это отсутствие финала. Отсутствие смысла. Страница, обрывающаяся на полуслове.

Мы узнали, что были созданы. Мы не узнали – зачем.

Мы узнали, что рядом с нами, в темноте чужого океана, развивался параллельный эксперимент. Мы не узнали – проводится ли всё ещё сравнение результатов. Следит ли кто-то за нами. Ждёт ли чего-то.

Мы узнали, что не одиноки во Вселенной – в самом буквальном, пугающем смысле. И это знание оказалось не утешением, не ответом на вековую мечту. Оно оказалось вопросом. Вопросом, на который мы не можем ответить.

Потому что ответ предполагает, что ты – тот, кто отвечает. А мы, кажется, – те, кого спрашивают.

Я мог бы рассказать вам о том, что случилось потом. О расколе в научном сообществе. О решениях, которые принимались за закрытыми дверями. О том, что было сделано на станции «Лаплас» в последние недели перед эвакуацией. О женщине, которая пересекла границу первой – и заплатила за это цену, которую большинство из нас не готово было бы заплатить.

Но это – позже.

Сейчас я хочу сказать вам другое.

Есть граница, которую нельзя пересечь, оставшись прежним. Не потому что за ней опасность – хотя и это тоже. А потому что сам акт пересечения меняет того, кто пересекает.

Я помню, как выглядела Земля до открытия. Я помню ощущение дома – уверенности в том, что этот мир принадлежит нам, что его история – наша история, что мы выросли на этой почве, под этим солнцем, случайно и свободно.

Я больше не могу вернуться в то ощущение. И вы, читая эти строки, – тоже не сможете. Потому что знание необрати-

мо. Это его свойство, его проклятие, его сила.

Луи Пастер, разделявший кристаллы пинцетом, не знал, что открывает дверь. Он думал, что решает техническую задачу – почему два вещества с одинаковой формулой ведут себя по-разному. Он не мог представить, что через два века его потомки спустятся под лёд чужой луны и найдут там ответ. Ответ, который заставит нас переформулировать сам вопрос.

Левое и правое. Вопрос и ответ. Тот, кто смотрит, и тот, кто смотрит в ответ.

Хиральная граница.

Письмо в бутылке – старая метафора. Кто-то бросает в океан послание, не зная, достигнет ли оно берега, прочтёт ли его кто-нибудь, поймёт ли.

Может быть, жизнь – такое письмо. Может быть, каждая планета, на которой что-то зарождается, – бутылка, брошенная в космический океан. Может быть, экспериментатор – просто другое слово для автора письма, которое пишется четыре миллиарда лет.

А может быть, мы сами – и есть это письмо. И тот, кто прочтёт нас, поймёт что-то, чего мы не понимаем сами. Что-то, что можно понять только извне. Только из точки, в которой видны обе руки – левая и правая, – и ясно, что они принадлежат одному телу.

Я не знаю.

Но я знаю одно: граница пройдена. Для меня. Для вас. Для всех нас.

Теперь нам остаётся только одно – жить с этим знанием. Или – что честнее – жить внутри этого незнания, в зазоре между вопросом и ответом, в месте, где зеркало перестаёт отражать и начинает показывать.

Что именно – я расскажу вам дальше.

Если вы готовы смотреть.

Здесь заканчивается вступление и начинается история. История о том, как группа людей спустилась под лёд чужого мира, чтобы найти ответ на древний вопрос. О том, что они нашли вместо ответа. О решениях, которые пришлось принять, когда оказалось, что искать – не то же самое, что найти.

О женщине, которая всю жизнь хотела знать правду. И о цене, которую платит тот, кто правду получает.

Но прежде – запомните главное.

Запомните, что знание необратимо. Что граница, однажды пересечённая, закрывается за спиной. Что вы уже не тот человек, которым были до того, как начали читать.

Это не предупреждение. Это констатация факта.

Добро пожаловать на хиральную границу.



Глава 2: Пробуждение

Сначала был холод.

Не тот холод, который чувствуешь кожей, – другой, глубинный, словно сама кровь в жилах превратилась в талую воду. Вера попыталась вдохнуть и не смогла – грудная клетка отказывалась расширяться, мышцы не слушались, лёгкие будто заполнил густой кисель. Паника толкнулась в рёбра изнутри, слепая, животная, и тут же отступила: где-то на периферии сознания сработал рефлекс, вбитый месяцами тренировок.

Криосон. Ты выходишь из криосна. Это нормально.

Она разжала пальцы – медленно, по одному, – и почувствовала, как хрустнули суставы. Звук показался оглушительным в гулкой тишине капсулы. Веки не хотели подниматься, склеенные чем-то липким, и Вера не сразу сообразила, что это её собственные слёзы – замёрзшие, а теперь оттаивающие. Она моргнула раз, другой. Размытые пятна света постепенно обретали форму.

Потолок. Белый, выгнутый, испещрённый сеткой вентиляционных решёток. Крохотные светодиоды мигали зелёным – всё в порядке, всё идёт по протоколу. Капсула медленно приподнимала изголовье, выводя её тело из горизонтального положения. Датчики на висках и груди беззвучно отсоединялись, оставляя на коже круглые красные следы.

– Доброе утро, доктор Северцева, – произнёс бесполой голос корабельной системы. – Вы на борту исследовательского судна «Эндьюранс». Текущая дата: четырнадцатое марта две тысячи восемьдесят пятого года. Время в пути: четырнадцать месяцев, одиннадцать дней, семь часов. Расстояние до цели: одиннадцать миллионов километров. Все системы функционируют в штатном режиме.

Четырнадцать месяцев. Вера попыталась осмыслить эту цифру, но мозг отказывался сотрудничать. Мысли расплывались, как чернила в воде, – стоило ухватить одну, как она ускользала, оставляя лишь смутный след.

Она помнила... что она помнила?

Погружение в капсулу. Лицо техника – молодая женщина с усталыми глазами, что-то говорила, но слова не задержались в памяти. Укол в предплечье, холод, распространяющийся по венам. И потом – ничего. Абсолютная, бездонная чернота.

Нет, не совсем ничего.

Сны.

Обрывки, осколки – яркие, как вспышки, и тут же гаснущие. Она помнила лёд. Бесконечные поля льда под чёрным небом. Что-то светилось в глубине – голубое, холодное, живое. И голос. Чей-то голос звал её по имени, но она не могла понять, откуда он доносится, и бежала, бежала через эту ледяную пустыню, а голос становился всё тише...

Андрей.

Имя всплыло из темноты, и Вера вздрогнула. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

Не сейчас. Не об этом.

Она заставила себя сосредоточиться на физических ощущениях. Тошнота – нормально, пройдёт через час. Слабость в мышцах – атрофия, неизбежная даже при электростимуляции во время сна. Головная боль – дегидратация. Нужно выпить воды, много воды, и начать разминку по протоколу. Простые, понятные действия. То, что можно контролировать.

Крышка капсулы бесшумно отъехала в сторону, и Вера попробовала сесть. Получилось не сразу – тело казалось чужим, тяжёлым, как если бы его набили мокрым песком. Она перекинула ноги через край, упёрлась ступнями в пол. Металл был тёплым – система жизнеобеспечения поддерживала комфортную температуру, готовясь к пробуждению экипажа.

Экипаж.

Вера огляделась. Помещение криоотсека было невелико – восемь капсул, расположенных по периметру, как лепестки странного технологического цветка. Шесть из них всё ещё закрыты, за матовым стеклом угадывались силуэты спящих. Одна, справа от Веры, пустовала – именно оттуда она выбралась минуту назад.

А восьмая...

Крышка восьмой капсулы была поднята. Внутри никого.

Значит, она не первая.

– Вода и регидратационный комплекс находятся в шкафчике слева от вас, – услужливо подсказал корабельный голос. – Рекомендую начать восстановительный протокол в течение ближайших пятнадцати минут.

Вера кивнула – машинально, хотя система не могла видеть этот жест, – и направилась к шкафчику. Каждый шаг давался с трудом, колени подгибались, но она упрямо переставляла ноги. Пятнадцать лет она ждала этого момента. Четырнадцать месяцев летела сквозь космос. Не время раскисать.

Вода имела странный металлический привкус – следствие очистки и рециркуляции, – но Вера заставила себя выпить целый пакет, а потом ещё один. Регидратационные таблетки она проглотила без воды, поморщившись от горечи. Постепенно туман в голове начал рассеиваться, мысли становились чётче.

Европа. Она летит к Европе.

Подлёдный океан. Гидротермальные источники. Возможная жизнь.

Вера закрыла глаза и позволила себе несколько секунд неразбавленной, почти детской радости. Она здесь. Она долетела. Через несколько дней – максимум неделю – она ступит на поверхность луны Юпитера, спустится под ледяную корку и своими глазами увидит то, о чём мечтала с двенадцати лет. С того самого дня, когда отец принёс домой потрепанную книжку в мягкой обложке – «Жизнь за предела-

ми Земли: гипотезы и факты» – и мир Веры изменился навсегда.

– Смотри, – сказал отец, раскрывая книгу на странице с размытой фотографией. – Это Европа. Спутник Юпитера. Под её поверхностью – океан жидкой воды. Большие воды, чем во всех океанах Земли вместе взятых.

– И там кто-то живёт? – спросила она, двенадцатилетняя, тощая, с вечно сбитыми коленками и косичками, которые вечно расплетались.

– Мы не знаем. Пока не знаем. Но может быть – да. Может быть, там, в темноте, что-то плавает и не подозревает, что над его головой – целая Вселенная.

Вера открыла глаза. Воспоминание отступило, но тепло осталось – где-то под рёбрами, в том месте, где она хранила немного по-настоящему ценное.

Отец умер девять лет назад. Мать – двенадцать. Андрей...
Не сейчас.

Она выпрямилась, расправила плечи, проверила равновесие. Тело слушалось лучше – медленно, неохотно, но слушалось. Нужно найти того, кто проснулся раньше. Узнать обстановку. Приступить к работе.

Всегда – работа. Единственное, что не предаёт.

Вера нашла его в обзорном отсеке.

Маркус Лоренц стоял у огромного иллюминатора, зало-

жив руки за спину, и смотрел на что-то снаружи. Его силуэт – высокий, прямой, с характерной военной выправкой – чётко выделялся на фоне звёздного поля. Он не обернулся, когда Вера вошла, хотя наверняка слышал её шаги.

– Доктор Северцева, – произнёс он, не отрывая взгляда от иллюминатора. – Рад видеть вас в добром здравии. Как самочувствие после сна?

– Приемлемо. – Вера подошла ближе, остановившись в паре метров от него. – Стандартные побочные эффекты. Тошнота, дезориентация, мышечная слабость. Ничего неожиданного.

– Вы всегда такая... клиническая?

– Вы ожидали чего-то другого?

Лоренц чуть повернул голову, и Вера увидела краем глаза, как дёрнулся уголок его губ – не улыбка, скорее её тень.

– Нет, – сказал он. – Полагаю, нет.

Они работали вместе уже четыре года – с момента, когда Вера была утверждена руководителем биологической программы «Европы-7». За это время она выучила Лоренца достаточно, чтобы понимать: он не доверяет ей полностью. Не потому что она плохой учёный – её компетентность он признавал открыто. Дело было в чём-то другом. В её... неудобности, как он однажды выразился на закрытом совещании, не зная, что запись попадёт к ней на стол.

«Северцева – блестящий специалист, но неудобный человек. Она не умеет идти на компромиссы. Для науки это до-

стоинство. Для миссии... посмотрим».

Вера не обиделась тогда. Он был прав. Она действительно не умела идти на компромиссы – по крайней мере, в том, что касалось истины. В остальном... в остальном она научилась притворяться. Имитировать социальные ритуалы, произносить нужные слова в нужное время. Это было утомительно, но необходимо.

– Могу я спросить, почему вы проснулись раньше графика? – Вера подошла к иллюминатору и наконец посмотрела туда, куда смотрел Лоренц.

И замерла.

Юпитер.

Он занимал почти треть видимого пространства – гигантский, невозможный, полосатый диск охряных, терракотовых и молочно-белых оттенков. Полосы облаков, каждая шириной с Землю, текли параллельно экватору, закручиваясь в спирали циклонов. Большое Красное Пятно – шторм размером с три земных диаметра – медленно вращалось в южном полушарии, и Вера могла поклясться, что видит, как клубятся его края.

Она читала описания. Смотрела снимки – тысячи снимков, сделанных десятками миссий за полтора века исследований. Она думала, что знает, как это выглядит.

Она ошибалась.

Никакая фотография не могла передать масштаб. Ощущение собственной микроскопичности перед лицом этого...

этого существа. Потому что Юпитер казался живым – не в биологическом смысле, но в каком-то более древнем, более первобытном. Он был похож на глаз. На око некоего божества, равнодушно взирающего на крохотный кораблик, посмевающий приблизиться к его владениям.

– Красиво, не правда ли? – тихо произнёс Лоренц.

Вера не ответила. Слова казались неуместными.

Они стояли так несколько минут – молча, плечом к плечу, глядя на газового гиганта. Впервые за годы знакомства Вера почувствовала что-то вроде единства с этим человеком. Не симпатию – что-то другое. Общее потрясение перед лицом того, что больше их обоих.

– Я не проснулся раньше графика, – наконец сказал Лоренц, разбивая молчание. – Я проснулся по графику. Командир и научный руководитель выводятся из криосна на шесть часов раньше остального экипажа. Стандартный протокол.

– Я знаю протокол. Я имела в виду...

– Почему я здесь, а не в рубке? – Он повёл плечами – жест, неожиданно человеческий для его обычно застёгнутой на все пуговицы манеры. – Потому что рубка подождёт. Системы в порядке, курс стабилен, до манёвра торможения ещё тридцать два часа. А это, – он кивнул на иллюминатор, – это я вижу впервые. И, возможно, в последний раз.

Вера повернулась к нему, изучая его профиль. Лоренц был немолод – пятьдесят четыре года, из них тридцать в космической программе. Бывший пилот, потом администратор,

потом – директор миссии. Седина на висках, глубокие морщины вокруг глаз, но всё ещё крепкий, собранный. Человек, привыкший командовать.

– Вы тоже видите его впервые, – добавил он, не глядя на неё. – Вживую, я имею в виду.

– Да.

– И что вы чувствуете?

Вера задумалась. Вопрос был неожиданным – Лоренц редко интересовался её чувствами. Фактами, мнениями, планами – да. Чувствами – никогда.

– Страх, – сказала она наконец. Слово вырвалось раньше, чем она успела его отфильтровать.

– Страх?

– Не в обычном смысле. Не страх опасности. Страх... несоразмерности. Понимание того, насколько мы малы. Насколько незначительны. – Она помолчала. – Латинское слово *tremendum*. Священный ужас перед божественным. То, что чувствовали древние, глядя на звёзды.

Лоренц медленно кивнул.

– Я думал, вы атеистка.

– Я учёный. Это не одно и то же.

Он хмыкнул – почти беззвучно, но Вера уловила.

– Справедливо. – Лоренц наконец отвернулся от иллюминатора и посмотрел на неё. Его глаза – светло-серые, с сеткой красных прожилок от недавнего пробуждения – были внимательными. – Через четыре часа начнём будить остальных. В

восемнадцать ноль-ноль по корабельному – общий брифинг. Я рассчитываю, что вы будете там.

– Разумеется.

– И, Северцева... – он помедлил, словно подбирая слова. – Я знаю, что вы ждали этого момента всю жизнь. Половину жизни, по крайней мере. Постарайтесь... сохранять объективность. Когда спустимся вниз.

Вера почувствовала, как напряглась челюсть. Старое раздражение, знакомое, привычное. Он снова сомневается в ней. Снова намекает, что она слишком... что?.. увлечена? Пристрастна?

– Если вы беспокоитесь, что я увижу жизнь там, где её нет, – проговорила она, тщательно контролируя тон, – то напрасно. Я не занимаюсь самообманом. Мне нужна истина, какой бы она ни была. Даже если этой истиной окажется пустой, стерильный океан.

Лоренц смотрел на неё несколько секунд, и Вера не могла прочитать его выражение. Потом он кивнул – коротко, по-военному.

– Хорошо. Увидимся на брифинге.

Он прошёл мимо неё к выходу, и его шаги гулко отдались в коридоре. Вера осталась одна.

Она снова повернулась к иллюминатору. Юпитер всё так же висел в пустоте, огромный и безразличный. Где-то там, за его полосатым диском, пряталась Европа – слишком маленькая, чтобы увидеть с такого расстояния. Маленькая ле-

дяная луна с океаном в сердце.

Я иду, подумала Вера. Я почти дошла.

Андрей бы гордился ею. Или нет – он бы ворчал, что она снова забыла поесть, что опять работала до трёх ночи, что нельзя так себя загонять. А потом обнял бы – крепко, надёжно – и сказал бы: «Ты сумасшедшая. И я тобой горжусь».

Но Андрея больше нет.

Вера прижала ладонь к холодному стеклу иллюминатора. Мелкие шрамы на пальцах – следы десятилетий работы в лаборатории – побелели от давления.

Семь лет. Семь лет прошло с того дня, когда разгерметизация на орбитальной станции «Тянь-Гун-9» убила двенадцать человек, включая её мужа. Семь лет она жила с этой пустотой внутри, заполняя её работой, цифрами, грантами, публикациями, бесконечной гонкой к Европе.

Иногда она задавалась вопросом: а если бы Андрей выжил? Была бы она сейчас здесь? Или осталась бы на Земле, рядом с ним, и медленно сходила бы с ума от невозможности достичь своей мечты?

Она не знала ответа. И боялась узнать.

Не сейчас. Не об этом. Работа.

Вера отняла ладонь от стекла, оставив на нём влажный отпечаток, и направилась к выходу.

К восемнадцати ноль-ноль обзорный отсек был полон.

Вера пришла за пятнадцать минут до назначенного времени – привычка, от которой она не могла избавиться. Она устроилась в углу, у самого иллюминатора, и наблюдала, как собирается команда.

Первым появился Дмитрий Волков – инженер систем жизнеобеспечения, широкоплечий мужчина с вечной трёхдневной щетиной и насмешливым прищуром тёмных глаз. Он выглядел так, будто проснулся не шесть часов назад, а только что – помятый комбинезон, встрёпанные волосы, – но двигался уверенно, по-хозяйски. Осмотрел помещение, присвистнул при виде Юпитера за иллюминатором и плюхнулся на ближайшее кресло.

– Ну и дура, – сказал он вместо приветствия. – Четырнадцать месяцев в морозилке ради этого вида. Туристы на Ганимеде платят миллионы, а нам – бесплатно.

– Мы не туристы, – сухо отозвалась Вера.

– Спасибо, что напомнили, доктор. А то я уже собрался заказать коктейль у бармена.

Вера не ответила. Она работала с Волковым три года и знала, что его сарказм – защитная реакция, способ справиться со стрессом. Под маской циника скрывался компетентный специалист, которому она доверила бы свою жизнь – и не однажды уже доверяла.

Следующей пришла Амара Окойе – геолог-планетолог, высокая женщина с короткой стрижкой и удивительно тёплой улыбкой. Она кивнула Вере – они были знакомы ещё по

Антарктической экспедиции десятилетней давности – и села рядом.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Амара вполголоса.

– Нормально.

– Вера.

– Нормально, – повторила та с нажимом. – Правда.

Амара не стала настаивать. Она знала Веру достаточно хорошо, чтобы понимать границы допустимого.

Потом появились остальные – один за другим, всё ещё бледные после криосна, но уже приходящие в себя. Юн Чжimin – молодой генетик из Шанхая, худой, нервный, с привычкой постоянно поправлять очки, хотя они и так сидели идеально. Александр Нойманн – физик-теоретик, старейший член научной группы, седой как лунь, но с живыми молодыми глазами. Сара Митчелл – пилот подводного аппарата, бывший военный лётчик, компактная женщина с резкими движениями и стрижкой под мальчика. И наконец Лин Чэнь – врач экспедиции, тихая китаянка с непроницаемым лицом, которая, казалось, замечала всё, но не комментировала ничего.

Восемь человек. Восемь специалистов, прошедших жесточайший отбор из тысяч кандидатов. Восемь жизней, доверенных космосу и друг другу.

Вера знала их всех – кого-то ближе, кого-то дальше. Два года совместных тренировок. Бесконечные симуляции, тесты на совместимость, психологические оценки. Они не бы-

ли друзьями – слово «друзья» вообще плохо вязалось с миром Веры, – но они были командой. Она доверяла их профессионализму, а большего ей и не требовалось.

Лоренц вошёл последним, ровно в восемнадцать ноль-ноль. Он сменил повседневный комбинезон на форменный костюм – тёмно-синий, с эмблемой МКК на рукаве. Официальный тон. Официальное мероприятие.

– Добрый вечер, – сказал он, останавливаясь у иллюминатора так, чтобы Юпитер служил ему фоном. Театральность, которую Вера заметила, но предпочла проигнорировать. – Полагаю, все уже достаточно оправились от криосна, чтобы воспринимать информацию. Если кто-то чувствует себя плохо – доктор Чэнь в вашем распоряжении.

Никто не отозвался. Лин чуть заметно улыбнулась – очевидно, она не ожидала иного.

– Хорошо. Тогда перейдём к делу. – Лоренц активировал голографический проектор, и в центре помещения возникла трёхмерная модель системы Юпитера. – Это наше текущее положение.

Красная точка мигала на полпути между орбитами Каллисто и Ганимеда. Европа – серебристая крупинка – находилась значительно ближе к полосатой сфере Юпитера.

– До выхода на орбиту Европы – сорок восемь часов. Орбитальная станция «Галилей» подтвердила готовность к нашему прибытию. Пересадка на посадочный модуль запланирована на шестнадцатое марта. Спуск на поверхность – сем-

надцатого.

– А что с командой на «Лапласе»? – подал голос Волков. – Они там не одичали ещё за год?

– Станция «Лаплас» функционирует в штатном режиме, – ответил Лоренц, не отреагировав на шутку. – Команда поддержки из четырёх человек ждёт нашего прибытия. Они обеспечивали техническое обслуживание и проводили предварительное картографирование дна.

– Нашли что-нибудь интересное? – Это уже Нойманн, его голос – мягкий, академический – контрастировал с резкими интонациями Волкова.

Лоренц помедлил. Вера заметила, как он скользнул по ней взглядом – быстро, почти незаметно.

– Органические соединения, – сказал он. – В пробах воды из района гидротермальных источников. Сложные углеводороды, аминокислоты.

По комнате прокатился вздох – негромкий, но ощутимый. Вера почувствовала, как ускорилось сердцебиение.

Аминокислоты.

– Это ещё не жизнь, – тут же добавил Лоренц. – Подчёркиваю: это ещё не жизнь. Органические молекулы могут образовываться абиогенным путём, мы это знаем. Но... – он снова посмотрел на Веру, и на этот раз не отвёл взгляд, – это многообещающе. Очень многообещающе.

Многообещающе. Слово было слишком слабым. Вера хотела вскочить, потребовать данные, немедленно засесть за

анализ – но заставила себя сидеть неподвижно. Контроль. Профессионализм. Не давать Лоренцу поводов для сомнений.

– Какова хиральность? – спросила она, и её голос прозвучал ровнее, чем она ожидала.

Лоренц поднял бровь.

– Простите?

– Хиральность аминокислот. Левовращающие или правовращающие? Или смесь?

– Я... – Лоренц замялся. – Насколько мне известно, этот анализ ещё не проводился. Команда на «Лапласе» не имела необходимого оборудования.

– Тогда это будет нашим приоритетом.

– Одним из приоритетов, – мягко поправил Лоренц.

Вера стиснула зубы, но кивнула. Не время для споров.

– Может кто-нибудь объяснить для не-биологов? – Сара подняла руку, как школьница. – Что такое эта ваша хиральность и почему она так важна?

Вера открыла было рот, но её опередил Нойманн:

– Представьте себе ваши руки, госпожа Митчелл. Левая и правая. Они идентичны по форме, но вы не можете совместить их так, чтобы они совпали. Они – зеркальные отражения друг друга. Это и есть хиральность.

– И при чём тут аминокислоты?

– При том, что молекулы аминокислот тоже бывают «левыми» и «правыми». Химически они идентичны, но в про-

странстве расположены по-разному. – Нойманн встал, подошёл к голограмме и что-то набрал на панели управления. Модель системы Юпитера сменилась изображением молекулярной структуры. – Видите? Это L-аланин. «Левая» аминокислота. А это, – изображение зеркально отразилось, – D-аланин. «Правая».

– Выглядят одинаково, – пробормотала Сара.

– Выглядят – да. Но функционируют по-разному. И вот что интересно: вся жизнь на Земле, без исключения, использует только «левые» аминокислоты. L-аминокислоты. «Правые» встречаются крайне редко и не выполняют биологических функций.

– Почему?

– Никто не знает, – вступила Вера. – Это одна из величайших загадок биохимии. Теоретически, жизнь могла бы работать и на «правых» аминокислотах – законы химии этого не запрещают. Но почему-то на Земле победил «левый» вариант. Возможно, случайность. Возможно, нет.

– И если на Европе мы найдём «правые» аминокислоты... – начала Амара.

– То это будет означать, что жизнь возникла там независимо, – закончила Вера. – Не от земного загрязнения. Не от общего предка. Совершенно независимо.

– Второй генезис, – тихо произнёс Нойманн. – Самое важное открытие в истории человечества.

Тишина. Юпитер за иллюминатором казался ещё больше,

ещё значительнее. Вера видела, как переглядываются члены команды – каждый по-своему осмысливая услышанное.

– Ну, – Волков откинулся на спинку кресла и потянулся, – по крайней мере, не зря летели.

Кто-то нервно хохотнул – кажется, Юн. Напряжение чуть отступило.

Лоренц прочистил горло.

– Благодарю за разъяснения, доктор Нойманн, доктор Северцева. Теперь – к практическим вопросам.

Следующий час прошёл в обсуждении графиков, протоколов, распределения обязанностей. Вера слушала вполуха, время от времени отвечая на вопросы, касающиеся её области, но мысли были далеко. Она думала об аминокислотах. О хиральности. О том, что ждёт её под пятнадцатью километрами льда.

Когда брифинг закончился и команда начала расходиться, Вера задержалась. Она подошла к иллюминатору – тому самому месту, где стояла утром, – и снова уставилась на Юпитер.

Газовый гигант чуть сместился за прошедшие часы: корабль продолжал движение, приближаясь к своей цели. Европа по-прежнему оставалась невидимой – где-то там, за полосатым диском, крошечная и невзрачная на фоне своего хозяина.

– Можно к вам?

Вера обернулась. Амара стояла в нескольких шагах,

неуверенно переминаясь с ноги на ногу.

– Конечно.

Они встали рядом, как несколько часов назад Вера стояла с Лоренцем. Но с Амарой молчание было другим – более тёплым, менее напряжённым.

– Вера, – сказала Амара после паузы, – могу я спросить кое-что личное?

– Можешь. Не обещаю, что отвечу.

Амара кивнула, принимая условия.

– Ты счастлива? – спросила она. – Здесь, сейчас?

Вера задумалась. Счастье – странное слово. Она не была уверена, что понимает его значение. То, что она чувствовала, когда получила утверждение на миссию, – было ли это счастьем? Или облегчением? Или просто отсутствием боли – которое так легко спутать с чем-то большим?

– Я не знаю, – сказала она честно. – Я... удовлетворена. Я достигла того, к чему шла тридцать пять лет. Это... да, наверное, это можно назвать счастьем.

– Но?

Вера повернулась к Амаре, изучая её лицо. Тёмная кожа, высокие скулы, глаза цвета горького шоколада – внимательные, без осуждения.

– Но часть меня хотела бы, чтобы он был здесь, – сказала Вера, и слова вырвались раньше, чем она успела их остановить. – Андрей. Он так мечтал об этом. Мы вместе... – она осеклась, горло сдавило.

Амара не стала ничего говорить. Просто положила руку Вере на плечо – лёгко, ненавязчиво.

– Он бы гордился тобой.

– Возможно. – Вера сглотнула комок. – Или ругал бы за то, что я опять не поела.

Амара тихо рассмеялась.

– Звучит как он.

Они снова замолчали. Юпитер медленно вращался за стеклом, равнодушный к человеческим горестям и надеждам.

– Ты знаешь, – заговорила Амара, – я много думала о том, что мы можем найти там, внизу. Жизнь, не жизнь... Это важно для науки, конечно. Но для меня... – она помолчала, подбирая слова. – Для меня важнее сам факт того, что мы здесь. Что мы, люди, смогли долететь до другого мира. Заглянуть под его поверхность. Это... это доказывает что-то. Что мы способны на большее, чем выживание. Что в нас есть что-то, что тянется к звёздам.

– Ты говоришь о Боге? – прямо спросила Вера.

Амара улыбнулась.

– Я говорю о смысле. Называй его как хочешь. Для меня Бог – это... – она сделала неопределённый жест. – Это то, что делает Вселенную не просто набором атомов. Это связь. Замысел. Или хотя бы возможность замысла.

– А если мы найдём жизнь, и она окажется просто химией? Просто молекулами, которые случайно научились копи-

ровать себя?

– Тогда это будет самая удивительная химия во Вселенной. – Амара посмотрела на Юпитер. – И я всё равно скажу «спасибо».

Вера не нашлась что ответить. Она не разделяла веру Амары – ни в Бога, ни в «замысел», – но в этот момент, глядя на исполинскую планету за иллюминатором, она понимала, почему люди ищут что-то большее. Почему им нужны истории, объясняющие мир.

Может быть, и ей нужна такая история. Просто она ещё не нашла её.

– Пойдём, – сказала Амара, убирая руку. – Нужно поесть. И поспать. Завтра будет тяжёлый день.

– Иди. Я ещё побуду здесь.

Амара кивнула и направилась к выходу. У двери она обернулась:

– Вера... Спасибо. За то, что ответила. На личный вопрос.

Вера не ответила, только чуть наклонила голову. Амара исчезла в коридоре, и Вера осталась одна.

Она простояла у иллюминатора ещё долго – час, может быть, два. Смотрела, как Юпитер медленно поворачивается, как меняются узоры облаков, как где-то на краю диска вспыхивает молния – титаническая, в тысячи километров длиной.

Она думала об Андрее. О родителях. О двенадцатилетней девочке, которая прочла книгу и влюбилась в ледяную луну,

которую никогда не видела.

Она думала о том, что ждёт её впереди.

И впервые за много лет она позволила себе почувствовать – не радость, не горе, не усталость, – а что-то вроде предвкушения. Волнения перед чем-то огромным. Чем-то, что изменит всё.

Скоро, думала она. Совсем скоро.

Юпитер молчал, но Европа – невидимая, скрытая за его громадой – ждала.

Следующие тридцать часов прошли в лихорадочной подготовке.

Вера почти не спала – организм ещё не перестроился после криосна, да и возбуждение не давало сомкнуть глаз. Она проверяла оборудование: хроматографы, спектрометры, секвенаторы последнего поколения, способные прочесть геном за считанные часы. Она перечитывала отчёты команды с «Лапласа», выискивая детали, которые могли упустить при первичном анализе. Она составляла планы экспериментов – один детальнее другого, с ветвлениями на каждый возможный исход.

Если найдём органику – проверить хиральность. Если хиральность земная – искать источник загрязнения. Если хиральность иная – документировать всё, каждую молекулу, каждую связь...

Она работала в лаборатории корабля – тесном отсеке, заставленном приборами, – когда дверь открылась и вошёл Юн.

– Доктор Северцева? – Он замялся на пороге, сжимая в руках планшет. – Я не помешаю?

– Нет. Заходи.

Юн осторожно пробрался между стеллажами и остановился рядом с её рабочим столом. Он выглядел ещё более нервным, чем обычно: бледный, с тёмными кругами под глазами.

– Я хотел спросить... – он поправил очки. – О хиральности. То, что вы говорили на брифинге. Это ведь может быть ключом, да? К вопросу о происхождении жизни?

– Может.

– И если мы найдём «правую» жизнь... – Юн сглотнул. – Это будет означать, что жизнь возникает легко? Что она... неизбежна?

Вера отложила инструмент, который держала, и повернулась к молодому генетику. Его лицо было открытым, почти детским – несмотря на докторскую степень и блестящую карьеру.

– Это будет означать, – сказала она медленно, – что жизнь возникла как минимум дважды. В одной Солнечной системе. Независимо. Статистически это предполагает, что жизнь действительно распространена во Вселенной. Но...

– Но?

– Но это также может означать что-то ещё. – Вера помолчала, собираясь с мыслями. – Когда я была студенткой, мой руководитель любил повторять: «Самое опасное в науке – делать выводы из выборки в один элемент». Земля – это один элемент. Если Европа подтвердит наши гипотезы – элементов станет два. Это лучше, но всё ещё мало. Может оказаться, что наша Солнечная система уникальна. Что жизнь здесь возникла по какой-то причине, которой нет нигде больше. Два – это ещё не закономерность.

Юн кивал, впитывая каждое слово.

– А вы сами... что вы думаете? – спросил он. – Честно?

Вера посмотрела ему в глаза. Этот мальчик – *мальчик, боже, ему тридцать четыре, он всего на тринадцать лет младше тебя* – напоминал ей её саму. Тот же голод, та же одержимость вопросами, на которые, возможно, нет ответов.

– Честно? – переспросила она. – Я думаю, что жизнь – это не случайность. Я думаю, что Вселенная *хочет* быть живой. Что законы физики и химии... настроены так, чтобы из хаоса возникал порядок. Я не знаю, почему. Не знаю, кто или что это «настроило». Может, никто. Может, это просто свойство реальности. Но я верю – нет, не верю, *подозреваю* – что там, внизу, мы найдём что-то живое. И это что-то докажет, что мы не одиноки.

Она замолчала, удивлённая собственной откровенностью. Юн смотрел на неё с выражением, которое она не сразу распознала.

Благоговение.

– Спасибо, – сказал он тихо. – За честность.

– Юн...

– Да?

Вера колебалась. Потом всё же произнесла:

– Если мы найдём жизнь... или не найдём... в любом случае – не давай результату определять твою ценность. Ты хороший учёный. Ты здесь по праву. Не потому что тебе повезло, а потому что ты это заслужил.

Юн покраснел – отчётливо, до кончиков ушей.

– Я... спасибо.

Он развернулся и почти выбежал из лаборатории. Вера смотрела ему вслед, качая головой. Синдром самозванца – она видела его слишком часто. Видела и в себе, много лет назад. Иногда – до сих пор.

Ты заслужила это, сказала она себе. *Ты здесь по праву.*

Слова звучали правильно. Почти убедительно.

Она вернулась к работе.

За шесть часов до выхода на орбиту Европы Вера наконец позволила себе лечь. Каюта была крошечной – койка, шкафчик, складной столик, – но после криокапсулы казалась почти роскошной. Она лежала в темноте, глядя в низкий потолок, и пыталась заснуть.

Сон не шёл.

В голове крутились образы – бессвязные, тревожные. Лёд. Темнота. Что-то светящееся в глубине. Голос, зовущий её по имени.

Андрей.

Она закрыла глаза и попыталась вспомнить его лицо. С каждым годом это становилось всё труднее – черты расплывались, ускользали, оставляя лишь ощущение: тепло, надёжность, смех. Он много смеялся. Она – редко. Он говорил, что её улыбка – как рассвет: долго ждёшь, но когда приходит – невозможно оторвать взгляд.

«Ты одержимая», – сказал он однажды, глядя, как она работает за полночь, седьмой день подряд. – «И это самое прекрасное, что в тебе есть».

Она не поняла тогда. Думала, что он шутит, или льстит, или просто устал спорить. Теперь – понимала.

Он видел в ней то, что она сама не могла увидеть. Не одержимость – страсть. Не холодность – сосредоточенность. Не отстранённость – глубину. Он любил её такой, какая она есть, не пытаясь изменить.

И когда он погиб – часть её погибла вместе с ним. Часть, которая умела быть человеком, а не только учёным.

Может быть, там, внизу, я найду её снова, подумала Вера. *Может быть, найдя жизнь, я снова научусь жить.*

Мысль была сентиментальной, недостойной учёного. Она не стала её гнать.

Сон пришёл внезапно, мягко, как падение в тёмную воду.

Ей снился лёд.

– Внимание всем. Мы начинаем манёвр выхода на орбиту Европы. Просьба занять места и пристегнуться.

Голос Лоренца из динамиков вырвал Веру из забытья. Она вскочила, едва не ударившись о низкий потолок, и торопливо натянула комбинезон.

Корабль вибрировал – мелко, почти незаметно, но Вера чувствовала это всем телом. Двигатели работали на торможение, гася накопленную за месяцы полёта скорость.

Она добралась до обзорного отсека за пять минут. Там уже собрались остальные – все, кроме Сары, которая была в рубке вместе с Лоренцем.

Юпитер теперь занимал почти всё видимое пространство – невообразимо огромный, давящий своей массой. Но Вера смотрела не на него.

Она смотрела на Европу.

Луна выплывала из-за края планеты-гиганта, и Вера впервые видела её воочию. Не фотографию, не модель – настоящую Европу, ледяной шар размером с земную Луну, испещрённый паутиной трещин.

Она была прекрасна.

Гладкая, словно полированная, поверхность отражала свет далёкого Солнца, создавая мягкое серебристое сияние. Трещины – *linea*, как их называли планетологи, – расходи-

лись по всей видимой поверхности, будто кто-то бросил камень в замёрзший пруд и трещины застыли навечно. Кое-где виднелись хаотические области – chaos terrain, – где лёд вздыбился, раскололся, перемешался, словно титаническая сила взломала его изнутри.

А под этим льдом – океан.

Сто километров жидкой воды. Больше, чем во всех океанах Земли. Тёмный, холодный, скрытый от солнечного света – и, возможно, живой.

– Красиво, – прошептала Амара рядом.

Вера не ответила. Слова были бессильны.

Она стояла у иллюминатора и смотрела на мир, которому посвятила жизнь. На мир, который снился ей с двенадцати лет. На мир, который через два дня примет её под свою ледяную кору.

Я здесь, думала она. Наконец-то я здесь.

Юпитер величественно вращался позади, безразличный к человеческим надеждам и страхам. Европа сияла впереди – загадочная, молчаливая, ждущая.

А где-то в глубине Веры – там, где она хранила немного по-настоящему ценное – что-то сдвинулось. Что-то, что было заморожено много лет. Что-то, что начинало оттаивать.

Она не знала, чем это обернётся.

Но она была готова узнать.



Глава 3: Спуск

Орбитальная станция «Галилей» выглядела как механический цветок, распустившийся в пустоте.

Сара Митчелл прижалась лбом к иллюминатору шаттла, наблюдая, как станция вырастает из черноты космоса. Четыре модуля-лепестка расходились от центрального ядра, каждый ошестинившийся солнечными панелями и антеннами связи. В стыковочном узле мигали навигационные огни – зелёный, зелёный, белый, – указывая путь.

– Митчелл, отойди от стекла. Мы на подходе.

Голос Лоренца по интеркому. Сара скривилась, но послушалась – отлепилась от иллюминатора и плюхнулась в кресло, защёлкивая ремни.

– Есть, командир. Сижу как приклеенная.

Она не любила быть пассажиром. Четырнадцать месяцев в ледяном ящике, потом двое суток на «Эндыюрансе», где делать было совершенно нечего, – Сара чувствовала себя тигром в клетке. Её руки скучали по штурвалу, по рычагам управления, по той особой вибрации, которую даёт послушная машина.

Скоро. Очень скоро она сядет за управление «Иглы» – спускового аппарата, который доставит их под лёд. А пока...

Шаттл мягко вздрогнул – стыковочные захваты сомкнулись. Сара почувствовала, как её слегка качнуло вперёд, по-

том назад. Готово.

– Стыковка завершена, – объявил Лоренц. – Добро пожаловать на «Галилей».

Станция пахла металлом, рециркулированным воздухом и чем-то неуловимо затхлым – запах человеческого жилья, слишком долго изолированного от всего остального. Сара втянула носом воздух и поморщилась.

– Фу. Они тут что, носки сушат?

– Саморегулирующаяся система жизнеобеспечения, – сухо отозвался Волков, плывущий мимо неё в невесомости. – Со временем накапливаются органические соединения. Ничего опасного, просто... ароматно.

– Спасибо, теперь я знаю, что нюхаю чьи-то органические соединения. Сразу полегчало.

Волков хмыкнул – почти одобрительно.

Они плыли по центральному коридору станции, цепляясь за поручни. Невесомость ощущалась как облегчение после недель в криокапсуле и дней в тесноте «Эндюранса». Сара сделала лёгкий кувырок – просто потому что могла – и едва не врезалась в Нойманна.

– Осторожнее, юная леди, – проворчал старый физик, отталкиваясь от стены.

– Простите, профессор. Не рассчитала.

– Она просто радуется, что её выпустили из ящика, – за-

метила Амара, проплывая мимо с грацией, которой Сара искренне завидовала. – Как щенок на прогулке.

– Гав, – согласилась Сара.

Впереди открылся люк, и навстречу им выплыли четверо в форменных комбинезонах «Галилея». Командир станции – грузный мужчина с седой бородой и усталыми глазами – протянул руку Лоренцу.

– Маркус. Рад видеть.

– Борис. Взаимно.

Они обменялись рукопожатием – неуклюжим в невесомости, но от этого почему-то более искренним.

– Как обстановка? – спросил Лоренц.

– Штатно. «Лаплас» на связи, все системы работают. – Борис помедлил. – Они ждут вас. С нетерпением.

– Я бы тоже ждал, просидев год под пятнадцатую километрами льда, – вставил Волков.

Борис скользнул по нему взглядом.

– Год – это ещё ничего. Ребята на «Лапласе» справляются. Профессионалы.

– Не сомневаюсь.

Сара заметила, как напряглась атмосфера – едва уловимо, на какую-то долю секунды. Что-то было не так. Что-то, о чём Борис не хотел говорить при всех.

Или она просто параноила после криосна. Такое тоже бывало.

– Когда мы можем начать спуск? – спросила Северцева.

Сара повернулась к астробиологу. Та плыла чуть в стороне от группы, держась за поручень, и её лицо было непроницаемым, как всегда. Но в голосе слышалось что-то – нетерпение? Напряжение?

Борис посмотрел на неё.

– Посадочный модуль готов. Можете стартовать хоть сейчас, если командир одобрит. Но я бы рекомендовал отдых – хотя бы несколько часов. Спуск на поверхность и переход через «Иглу» – это... интенсивно.

– Мы отдыхали четырнадцать месяцев, – сказала Северцева.

– Вы были заморожены четырнадцать месяцев. Это не одно и то же.

– Доктор Северцева, – вмешался Лоренц, – Борис прав. Нам нужно время на адаптацию, проверку оборудования, инструктаж. Спуск начнётся завтра, в шестьсот по станционному.

Северцева стиснула челюсть – Сара видела, как напряглись желваки, – но кивнула.

– Хорошо. Завтра.

Вера

Каюта на «Галилее» была ещё меньше, чем на «Эндыюрансе», – если такое вообще возможно. Спальный мешок, пристёгнутый к стене. Откидной столик с креплениями для

планшета. Иллюминатор размером с ладонь.

Вера не спала.

Она висела в невесомости, привязанная к спальнику, и смотрела в крохотный иллюминатор. Отсюда была видна Европа – уже не серебристая точка, а полноценный диск, занимающий четверть обзора. Трещины на её поверхности казались кровеносными сосудами застывшего мира.

Завтра она будет там. Под этим льдом. В океане, который снился ей с детства.

Почему не сейчас?

Она понимала логику Лоренца. Безопасность, протоколы, здравый смысл. Но каждый час ожидания казался невыносимым. Тридцать пять лет она ждала. Четырнадцать месяцев летела. И теперь – ещё несколько часов, которые растягивались в вечность.

Андрей сказал бы: «Нетерпение – плохой советчик». И приготовил бы мне чай.

Она закрыла глаза, пытаясь вызвать образ мужа. Его лицо расплывалось, но голос – голос она помнила отчётливо. Низкий, чуть хриловатый, с лёгким акцентом, который так и не исчез за двадцать лет жизни в Новосибирске.

«Ты опять не спишь», – сказал бы он. – «Вера, организм – не машина. Ему нужен отдых».

«Организм отдыхал четырнадцать месяцев».

«Нет. Организм был заморожен четырнадцать месяцев. Это не одно и то же».

Она невольно улыбнулась. Борис сказал почти то же самое. Может, это какая-то космическая мудрость, передающаяся от поколения к поколению?

Сон не шёл. Вера расстегнула ремни спального мешка, оттолкнулась от стены и подплыла к иллюминатору. Приложила ладонь к холодному стеклу.

Европа молчала. Ждала.

Скоро, подумала Вера. Совсем скоро я узнаю, что ты скрываешь.

Сара

Утро – если можно назвать утром произвольную точку на часах – началось с хаоса.

Посадочный модуль «Персефона» был рассчитан на шестерых, но с оборудованием, которое они тащили вниз, свободного места почти не осталось. Сара протискивалась между контейнерами, проверяя крепления, и тихо ругалась сквозь зубы.

– Кто упаковывал этот груз? Серьёзно, кто?

– Логистический отдел Дармштадта, – отозвался Волков откуда-то из-за штабеля ящиков. – Те самые люди, которые никогда не были в космосе.

– Оно и видно. Центр тяжести смещён к корме на... – она прикинула на глаз, – процентов пять? Семь? Придётся компенсировать при посадке.

– Справишься?

Сара фыркнула.

– Обижаете, инженер. Я и не с таким справлялась.

Она закончила проверку и пробралась в кабину. Пилотское кресло приняло её как старый друг – Сара откинулась, защёлкнула ремни, положила руки на штурвал. Наконец-то. Наконец-то она там, где должна быть.

За лобовым стеклом висела Европа – огромная, испещрённая трещинами, ослепительно белая на фоне чернильной черноты космоса. Юпитер маячил где-то на периферии, но Сара не обращала на него внимания. Её интересовала только посадочная площадка.

– «Персефона», это «Галилей». Готовность к отстыковке?

– Готовность подтверждаю, – ответила Сара, пробегая пальцами по консоли. Индикаторы горели зелёным. – Экипаж на борту, груз закреплён, системы в норме.

– Принято. Отстыковка через шестьдесят секунд.

Сара обернулась. Позади, в пассажирском отсеке, команда занимала места. Северцева – у иллюминатора, куда же ещё. Амара рядом с ней, что-то тихо говорит. Юн – бледный, нервно теребит ремень кресла. Лоренц – прямой, собранный, лицо-маска. Нойманн листает что-то на планшете.

Волков не летел – оставался на «Эндьюрансе» и «Галилее», координируя логистику. Он ворчал, но Сара подозревала, что втайне рад: Волков не любил ни невесомость, ни посадки.

– Тридцать секунд.

Сара глубоко вдохнула. Выдохнула. Пальцы нашли нужные переключатели.

– «Персефона» к старту готова.

– Десять секунд. Девять. Восемь...

Она чувствовала вибрацию корпуса – едва заметную, как дыхание спящего зверя. «Персефона» была хорошим модулем. Надёжным. Послушным.

– Три. Два. Один. Отстыковка.

Щелчок захватов. Мягкий толчок. И – свобода.

Модуль отплыл от станции, и Сара взяла управление на себя. Мягкое касание штурвала, корректирующий импульс – «Персефона» развернулась носом к Европе.

– Начинаю снижение, – сказала Сара.

Двигатели загудели, и луна начала расти.

Вера

Спуск занял сорок минут, но Вере казалось – часы.

Она смотрела в иллюминатор, не отрываясь. Европа приближалась, превращаясь из абстрактной сферы в ландшафт. Трещины расплзались в стороны, становились ущельями, каньонами, разломами. Ледяные равнины обретали текстуру – неровности, хребты, странные узоры, похожие на замёрзшую рябь.

– Входим в экзосферу, – объявила Митчелл.

Модуль начал вибрировать – сначала едва заметно, потом сильнее. Атмосферы у Европы почти не было – разрежённая дымка из кислорода, выбитого радиацией из поверхностного льда, – но даже этого хватало, чтобы корабль начало потряхивать.

– Скорость три километра в секунду. Торможение штатное.

Вера вцепилась в подлокотники. Не от страха – от волнения. Каждый километр приближал её к цели. К мечте.

– Высота пятьдесят километров. Вижу площадку.

За окном мелькнул проблеск искусственного света – посадочный комплекс на поверхности. Вера знала, как он выглядит: по снимкам, схемам, трёхмерным моделям. Криобуровая установка, модули энергоснабжения, антенны связи. И главное – «Игла». Вертикальная шахта, пробурённая сквозь пятнадцать километров льда до самого океана.

– Двадцать километров. Выпускаю посадочные опоры.

Вибрация усилилась, потом резко прекратилась. Сара творила чудеса за штурвалом – модуль шёл ровно, несмотря на смещённый центр тяжести, о котором она упоминала.

– Пять километров. Вижу маркеры.

Площадка выросла в иллюминаторе – ровная ледяная поверхность, расчищенная и размеченная световыми указателями. Рядом высились конструкции посадочного комплекса – приземистые, утилитарные, словно вросшие в лёд.

– Километр. Пятьсот метров. Двести...

Толчок.

– Посадка завершена. – В голосе Сары слышалось торжество. – Добро пожаловать на Европу, дамы и господа.

Вера отстегнула ремни и поднялась. Ноги дрожали – но не от невесомости. Гравитация Европы составляла едва ли восьмую часть земной: она чувствовала себя почти невесомой.

Она здесь. Она на Европе.

Андрей, если ты меня слышишь... Я дошла.

Сара

Поверхность Европы была белой.

Не просто белой – ослепительной, режущей глаза, как свежий снег под полуденным солнцем. Только здесь не было полудня, и солнце висело низко над горизонтом – крошечный яркий диск, дающий света не больше, чем земной полной луной.

Сара стояла у внешнего шлюза, глядя через бронированное стекло на этот невозможный пейзаж. Лёд простирался во все стороны – ровный, гладкий, испещрённый тенями от трещин. Небо было чёрным – абсолютно, бескомпромиссно чёрным, усыпанным звёздами. Юпитер занимал четверть горизонта – полосатый гигант, нависающий над своей луной как строгий родитель.

– Красиво, – сказала она вслух.

– Холодно, – поправил Лоренц, подходя к ней. – Минус сто шестьдесят по поверхности. Без скафандра – смерть за секунды.

– Я знаю, командир. Всё равно красиво.

Он хмыкнул – почти одобрительно.

– Переходный модуль готов. Начинаем движение к «Игле».

«Игла» находилась в трёхстах метрах от посадочной площадки – приземистое куполообразное сооружение, укрывающее вход в шахту. К нему вёл закрытый переходной туннель – «кишка», как его называли местные, – достаточно широкий для прохода в скафандрах.

Сара проверила свой скафандр – привычным движением, доведённым до автоматизма. Давление, кислород, система обогрева, связь. Всё в норме.

– Готова.

– Тогда пошли.

Они вышли в шлюз – шестеро в громоздких скафандрах, неуклюже переставляющие ноги в низкой гравитации. Сара адаптировалась быстро – годы тренировок давали о себе знать. Другие двигались осторожнее.

Переход занял десять минут. Туннель был тесным, стены – металлическими, покрытыми инеем. Дыхание Сары звучало громко в шлеме, перемежаясь с голосами команды по радио.

– Как ощущения? – спросила она, ни к кому конкретно

не обращаясь.

– Странно, – отозвался Юн. – Я всё ещё не могу поверить, что мы... здесь.

– Поверишь, когда начнёшь мёрзнуть, – хмыкнул кто-то. Нойманн, судя по голосу.

– Системы обогрева работают штатно, – педантично уточнил Лоренц. – Никто не замёрзнет.

– Это была шутка, командир.

– Я знаю.

Сара улыбнулась под шлемом. Лоренц и юмор – две вещи, которые пересекались примерно так же часто, как орбиты Плутона и Меркурия.

Они достигли купола «Иглы». Внутри было теплее – относительно, – и Сара с облегчением сняла шлем, когда датчики показали пригодную атмосферу. Воздух пах озоном и машинным маслом.

Центр купола занимала шахта. Круглое отверстие метров пяти в диаметре, уходящее вертикально вниз, в темноту. Стены шахты были выложены теплоизоляционными панелями, между которыми тянулись кабели и трубы.

Сара подошла к краю и заглянула вниз.

Чернота. Абсолютная, бездонная, поглощающая.

– Пятнадцать километров, – сказала она. – Это же... это как...

– Как глубже Марианской впадины, – подсказала Амара. – Примерно в полтора раза.

– Ага. Только вместо воды – лёд. И внизу не дно, а... другая вода.

– Технически – рассол, – уточнила Северцева. Она тоже подошла к шахте и смотрела вниз с выражением, которое Сара не могла прочитать. Голод? Страх? И то, и другое? – Океан Европы – не пресная вода. Он насыщен солями магния, натрия, серы. Похож на земной океан, но более концентрированный.

– Звучит аппетитно.

– Для нас – несъедобно. Для местной жизни, если она есть, – идеально.

Если она есть. Сара заметила, как Северцева напряглась, произнося эти слова. Как будто они причиняли ей физическую боль.

– Спускаемся? – спросила Сара.

– Спускаемся, – подтвердил Лоренц. – Митчелл, вы ведёте.

Сара кивнула и направилась к лифтовой платформе – открытой конструкции, висящей над бездной на четырёх тросах. Она выглядела хлипкой, почти игрушечной на фоне зияющей шахты, но Сара знала: каждый трос выдерживает нагрузку в десятки тонн.

– Все на борт, – скомандовала она. – Держитесь за поручни. Спуск займёт около часа.

Вера

Первые минуты спуска Вера смотрела вверх – на сужающийся круг света, который был входом в шахту. Он уменьшался, превращаясь в точку, потом – в ничто. Тьма сомкнулась над ними, как пасть гигантского зверя.

Она почувствовала, как сжалось горло. Клаустрофобия – старый враг, которого она считала побеждённым. Годы работы в тесных лабораториях, в подводных аппаратах, в симуляторах – всё это должно было закалить её. Но здесь, в настоящей шахте, уходящей на пятнадцать километров в глубь ледяной луны, – здесь страх вернулся.

Дыши. Дыши. Это просто лифт. Очень длинный лифт.

Платформа двигалась плавно, почти бесшумно. Единственными звуками были гудение моторов и тихое пощёлкивание тросов. По стенам шахты скользили конусы света от встроенных фонарей – и лёд за ними казался живым, переливающимся, почти... дышащим.

– Глубина один километр, – объявила Митчелл.

Вера заставила себя оторвать взгляд от потолка и посмотреть вниз. Темнота. Всё та же бездонная темнота.

– Как вы себя чувствуете? – тихо спросила Амара, касаясь её локтя.

– Нормально.

– Вера.

– Я справляюсь, – отрезала та.

Амара не стала настаивать. Просто осталась рядом, и это –

как ни странно – помогло. Вера чувствовала её присутствие, тепло другого человека в этой холодной бесконечной шахте.

– Три километра.

Стены шахты изменились. Лёд стал плотнее, голубоватым, с прожилками чего-то тёмного – минеральные включения, принесённые из глубин миллионы лет назад. Вера смотрела на них, пытаясь отвлечься от давящего ощущения массы над головой.

Пятнадцать километров льда. Если что-то пойдёт не так...

Не думай об этом. Думай о работе. О цели.

– Пять километров. Полёт нормальный.

– Это не полёт, – пробормотал Юн. – Это падение. Очень медленное падение.

– Контролируемое падение, – поправила Митчелл. – Я предпочитаю думать об этом как о вертикальном планировании.

– Вы оптимистка.

– Я пилот. Нам положено быть оптимистами. Иначе никто не согласился бы садиться в эти жестянки.

Вера невольно улыбнулась. Митчелл ей нравилась – несмотря на бравадо, несмотря на показную лёгкость. В ней чувствовалась компетентность, надёжность. Человек, который знает своё дело.

– Семь километров. Проходим зону термического градиента.

Температура за бортом начала меняться – Вера видела показатели на панели платформы. Минус сто шестьдесят на поверхности. Минус сто сорок на глубине трёх километров. Минус сто на семи. Лёд нагревался изнутри – приливные силы Юпитера постоянно деформировали недра Европы, создавая трение, выделяя тепло.

– Десять километров. Входим в зону перехода.

Вера почувствовала, как изменилась вибрация платформы. Лёд вокруг стал другим – не монолитным, а пористым, изъеденным карманами солёной воды. Они приближались к границе твёрдого и жидкого.

– Одиннадцать. Двенадцать. Тринадцать.

Сердце Веры билось быстрее. Ещё немного. Ещё совсем немного.

– Четырнадцать километров. Вижу шлюз станции.

Внизу блеснул свет – не фонарь платформы, а настоящий свет, искусственный, тёплый. Станция «Лаплас» ждала их.

– Пятнадцать километров. Начинаю стыковку.

Платформа замедлилась, качнулась, мягко опустилась на посадочную площадку. Щелчок захватов. Шипение выравниваемого давления.

– Добро пожаловать на «Лаплас», – сказала Митчелл. – Глубина – четырнадцать тысяч девятьсот двадцать метров под поверхностью. Давление забортной воды – примерно сто сорок атмосфер. Температура... – она сверилась с датчиками, – минус два градуса Цельсия. Не забудьте шапки.

Люк платформы открылся, и Вера шагнула на станцию.

«Лаплас» был меньше, чем она представляла.

Нет, технически он был точно таким, как на схемах и моделях, – шесть модулей, соединённых переходами, общая площадь около восьмисот квадратных метров. Но схемы не передавали ощущения тесноты, замкнутости, давящих стен. Потолки казались ниже, коридоры – уже, воздух – гуще.

Четырнадцать километров льда над головой. Сто километров воды под ногами. И эта скорлупа – единственное, что отделяет нас от смерти.

– Доктор Северцева?

Вера моргнула, возвращаясь в реальность. Перед ней стоял мужчина средних лет – худой, бледный, с залысинами и нервным взглядом.

– Виктор Линдквист, – представился он. – Руководитель команды поддержки. Мы... мы рады вас видеть.

– Взаимно, – автоматически ответила Вера.

Она огляделась. Входной модуль был утилитарным – шкафы для скафандров, панели управления, люки в соседние отсеки. Освещение – холодное, люминесцентное. На стене – «Стена имён», о которой она читала: отпечатки ладоней членов экспедиции, каждый с подписью и датой.

– Я проведу вам экскурсию, – сказал Линдквист. – Если хотите...

– Позже, – отрезал Лоренц, выходя из лифта. – Сначала – брифинг. Что у вас по текущей ситуации?

Линдквист заметно напрягся.

– Конечно, командир. Конечно. Если вы пройдёте за мной...

Он повёл их через переход в другой модуль – «Ядро», жилой блок станции. Здесь было... обжито. Личные вещи, фотографии на стенах, запах еды из камбуза. Трое других членов команды поддержки – двое мужчин и женщина – ждали в кают-компании.

Знакомство было коротким: имена, специальности, рукопожатия. Вера запомнила лица, но не имена – она никогда не была сильна в этом.

Потом – брифинг.

Линдквист вывел на экран карту океана – трёхмерную модель, составленную за год картографирования. Синие области – холодные зоны. Красные – тёплые, у гидротермальных источников. Зелёные маркеры – точки забора проб.

– За прошедший год, – начал Линдквист, – мы провели сто семьдесят три погружения. Картографировано около двадцати процентов доступного объёма, взято более трёхсот проб воды и донных отложений.

– И? – нетерпеливо спросила Вера.

Линдквист замялся.

– И... мы обнаружили органические соединения. Аминокислоты, как вам сообщали. Также – сложные углеводороды,

липиды, нуклеотидоподобные структуры. Химия жизни.

– Но не саму жизнь.

Это был не вопрос. Вера знала ответ по его лицу – ещё до того, как он заговорил.

– Нет, – признал Линдквист. – Не саму жизнь. Мы не нашли ничего, что можно было бы однозначно классифицировать как живой организм. Никаких клеточных структур, никаких метаболических процессов, никаких признаков размножения или роста.

Тишина.

Вера чувствовала, как что-то сжимается в груди – разочарование, горькое и тяжёлое. Она знала, что это возможно. Знала, что отсутствие результата – тоже результат. Но...

Но я надеялась. Боже, как я надеялась.

– Это ещё не конец, – сказала Амара мягко. – Двадцать процентов океана – это...

– Это очень мало, – кивнул Нойманн. – Представьте, что вы ищете жизнь на Земле, исследовав только Чёрное море. Вы бы нашли много всего, но могли бы и пропустить целые экосистемы.

– Именно так, – подхватил Линдквист. – Мы концентрировались на гидротермальных источниках, потому что там наиболее вероятно найти жизнь. Но океан огромен. Мы могли просто... не искать там, где нужно.

– Или жизни здесь нет, – сказала Вера. Слова дались ей с трудом. – Это тоже возможность.

– Возможность, – согласился Линдквист. – Но... – он помедлил, бросив взгляд на остальных членов своей команды. – Есть кое-что ещё.

– Что?

– «Поле Прометея». – Линдквист вывел на экран увеличенную область карты – кластер красных точек в нескольких часах пути от станции. – Мы обнаружили его три месяца назад. Крупнейшее гидротермальное поле из всех, что мы видели. Температура воды – до девяноста градусов. Минерализация – зашкаливает. И...

– И?

– И химический состав проб оттуда... странный. Не похожий на то, что мы видели раньше. Более сложная органика. Более... упорядоченная. – Он колебался. – Я не хочу давать ложных надежд, но... это перспективное место. Очень перспективное.

Вера смотрела на карту. Красные точки «Поля Прометея» пульсировали, словно живое сердце.

Надежда. Она так долго гнала это слово, защищаясь от разочарования. Но теперь оно вернулось – робкое, хрупкое, настойчивое.

– Когда мы можем организовать экспедицию туда? – спросила она.

– Это зависит от командира, – сказал Линдквист, глядя на Лоренца.

Лоренц молчал. Его лицо было непроницаемым, но Вера

видела, как он обдумывает – взвешивает риски, просчитывает варианты.

– Поле далеко от станции, – медленно произнёс он. – Четыре часа в один конец. Это значит – минимум сутки на экспедицию, с учётом работы на месте.

– Я знаю.

– И это рискованно. Подводный аппарат на такой дистанции...

– Все подводные аппараты на такой дистанции рискованны, – отрезала Вера. – Мы не прилетели сюда, чтобы сидеть в безопасности. Мы прилетели искать жизнь.

Лоренц посмотрел на неё – долго, изучающе.

– Доктор Северцева, – сказал он наконец, – я понимаю вашу... увлечённость. Но решение принимаю я. И я приму его, когда буду готов. После того как команда адаптируется, после того как мы проверим оборудование, после того как я сам изучу данные. Это понятно?

Вера стиснула зубы.

– Понятно, – выдавила она.

– Хорошо. – Лоренц встал. – На сегодня – размещение, отдых, адаптация. Завтра – знакомство с системами станции и оборудованием. Послезавтра – начнём планировать дальнейшие операции. Всем спасибо.

Он вышел из кают-компании. Остальные потянулись следом – кто к каютам, кто на экскурсию по станции. Вера осталась сидеть, глядя на карту.

«Поле Прометея» всё ещё пульсировало на экране. Красное сердце в синем океане.

Я найду тебя, подумала она. Если ты там есть – я найду.

Сара

Каюта на «Лапласе» была похожа на каюту на «Галилее» – крошечная, функциональная, безликая. Но Сара не жаловалась. После дня, проведённого в скафандре, в лифте, в бесконечных коридорах – любое место, где можно было вытянуться горизонтально, казалось райским.

Она лежала на койке, глядя в потолок. За тонкой стеной слышались приглушённые голоса – кто-то из старой команды разговаривал, смеялся.

Они провели здесь год, думала Сара. Год в этой коробке, на дне ледяного океана. Как они не сошли с ума?

Может, и сошли. Немножко. Она замечала что-то в их глазах – что-то отстранённое, потустороннее. Люди, которые слишком долго смотрели в бездну.

Стук в дверь.

– Войдите, – сказала Сара, не поднимаясь.

Дверь открылась, и вошла Амара. В руках у неё были две кружки.

– Чай, – объявила она. – Настоящий, не синтетический. Я привезла запас с Земли.

– Ты ангел.

Сара села, принимая кружку. Чай был горячим, пах бергамотом и – почему-то – домом. Она отхлебнула и зажмурилась.

– Господи. Как хорошо.

– Правда? – Амара села на край койки. – Мне говорили, что в космосе вкусовые ощущения меняются. Что всё кажется более пресным.

– Наверное. Но после этого... – Сара махнула рукой, – после всего этого – что угодно покажется вкусным.

Они помолчали, потягивая чай. За стеной голоса стихли.

– Как думаешь, – спросила Сара, – она найдёт что-нибудь? Северцева?

Амара подумала.

– Не знаю. Я надеюсь. Но... – она пожала плечами. – Бог знает.

– Ты правда в это веришь? В Бога, я имею в виду. Здесь, на дне чужого океана?

Амара улыбнулась.

– Особенно здесь. – Она помолчала. – Знаешь, когда я была маленькой, в Нигерии, бабушка говорила мне: «Бог – везде. В воде, в камнях, в воздухе. Нет места, где бы Его не было». Тогда я думала – это метафора. Сейчас... – она посмотрела на потолок, за которым были пятнадцать километров льда и бесконечность космоса. – Сейчас я думаю, что она имела в виду буквально.

Сара не знала, что на это ответить. Она не была религи-

озной – никогда не была. Её боги были из другой породы: скорость, контроль, адреналин. Но что-то в словах Амары... что-то находило отклик.

– Если Бог везде, – сказала она, – значит, и здесь тоже. В этом океане. И если здесь есть жизнь...

– Значит, она тоже – часть Бога, – закончила Амара. – Или Бог – часть неё. Или... – она рассмеялась. – Я не теолог. Я просто верю, что всё связано. Что мы не случайны.

Не случайны. Сара думала о спуске через «Иглу». О пятнадцати километрах льда. О станции, висящей в бездне. Всё это было результатом расчётов, планирования, инженерного гения – ничего случайного. Но сама Вселенная? Жизнь на Земле, возможная жизнь здесь?

Случайность или замысел?

– Ладно, – сказала она, допивая чай. – Слишком много философии для одного дня. Мне нужно спать.

– Конечно. – Амара встала, забирая пустые кружки. – Спокойной ночи, Сара.

– Спокойной ночи.

Дверь закрылась. Сара легла, натягивая одеяло до подбородка.

За стеной – молчание. За молчанием – океан. За океаном – лёд. За льдом – космос.

Она закрыла глаза и провалилась в сон.

Вера

Вера не спала.

Она сидела в научном модуле «Спектр» – единственном месте на станции, где можно было уединиться с работой. Перед ней на экране висели данные – спектрограммы, хроматограммы, результаты анализов. Всё то, что собрала команда Линдквиста за год работы.

Органические соединения. Сложные, разнообразные, интересные. Но не жизнь.

Почему?

Вера знала статистику. Знала теории. Жизнь на Земле возникла быстро – меньше чем через миллиард лет после формирования планеты. Это предполагало, что абиогенез – переход от химии к биологии – не так уж невероятен. Что при правильных условиях он должен происходить.

Европа имела правильные условия. Жидкая вода, энергия, химические градиенты. Всё, что нужно для жизни.

Но жизни не было.

Или мы просто не там искали?

Она увеличила изображение «Поля Прометея». Данные были скудными – команда Линдквиста совершила туда всего два погружения. Но то, что они нашли...

Вера взгляделась в спектрограмму. Линдквист был прав – органика оттуда отличалась. Более сложные полимеры. Более упорядоченные структуры. Почти как...

Почти как клеточные мембраны?

Она моргнула. Присмотрелась. Нет, это было бы слишком просто. Слишком удобно. Вера не верила в удобные ответы.

И всё же.

Она потянулась к клавиатуре и начала строить модель. Если предположить, что эти полимеры – не случайные агломераты, а прото-мембранные структуры... Если предположить, что они способны к самоорганизации... Если предположить...

Часы шли. Вера не замечала времени. Данныеплыли перед глазами – цифры, графики, уравнения. Она строила гипотезу, проверяла, отбрасывала, строила новую.

«Поле Прометея». Это был шанс. Может быть, последний шанс.

Лоренц сказал – подождать. Адаптироваться. Изучить данные.

Вера изучала данные.

И чем больше она изучала – тем яснее понимала: ждать нельзя.

Под утро – по стационарному времени – она отправила Лоренцу запрос на экстренное совещание.

А потом вышла из лаборатории и направилась к иллюминатору в коридоре. Маленькое круглое окно, выходящее в океан.

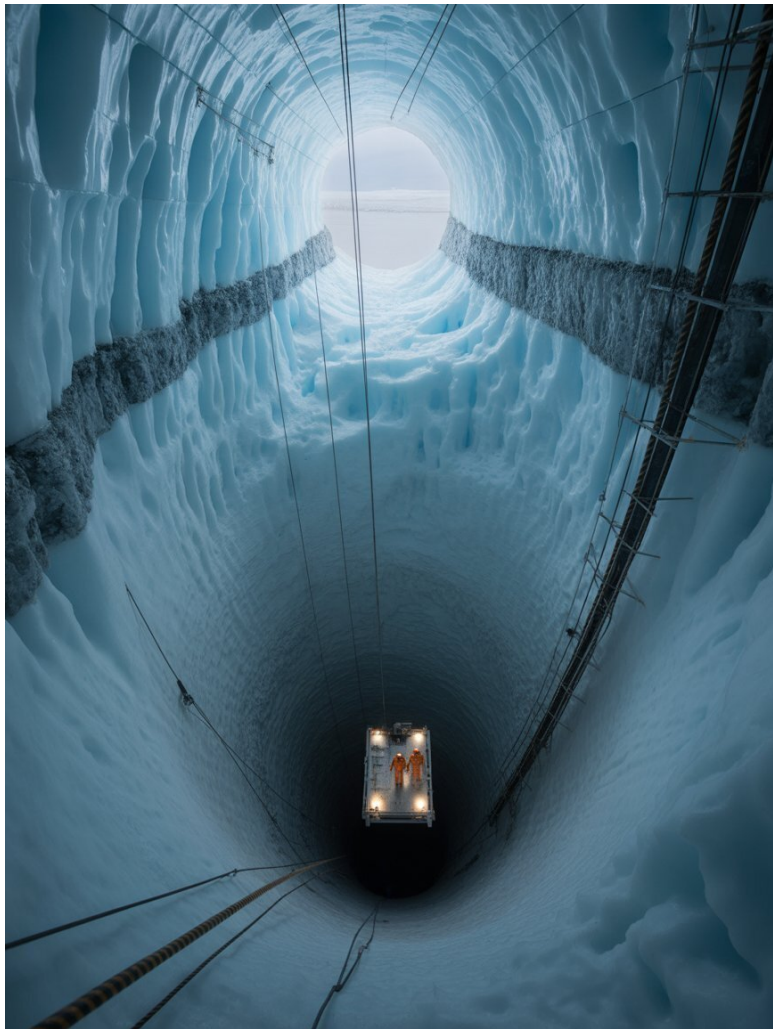
За стеклом была темнота. Абсолютная, непроницаемая.

Где-то там, в этой темноте, возможно, существовало что-то живое. Что-то, что ждало миллиарды лет, чтобы быть найденным.

Я найду тебя, подумала Вера. *Я обещаю.*

Океан молчал.

Но она могла поклясться – он слушал.



Глава

4:

Охотники

Юн Чжимин ненавидел тишину.

Не обычную тишину – ту, что бывает в библиотеках или пустых комнатах. Нет, он ненавидел *эту* тишину: глухую, давящую, абсолютную. Тишину станции «Лаплас», где единственными звуками были гудение вентиляции и далёкое пощёлкивание систем жизнеобеспечения.

Три недели. Три недели они здесь, и каждый день похож на предыдущий. Пробы, анализы, данные. Пробы, анализы, данные. Бесконечный цикл, не дающий результатов.

Юн сидел перед секвенатором в лаборатории «Спектра», наблюдая, как прибор обрабатывает очередной образец. Зелёные индикаторы мерцали в полутьме – он выключил верхний свет, потому что от него болели глаза. Или потому что темнота лучше скрывала выражение его лица.

Синдром самозванца, говорили психологи на предполётной подготовке. *Распространённое явление среди высокоодарённых специалистов. Ощущение, что ты недостаточно компетентен, что твои достижения – результат удачи, а не способностей.*

Юн знал термин. Он прочитал все статьи, прошёл все тесты, научился произносить правильные слова на консультациях. «Да, я осознаю свою ценность». «Нет, я не сомневаюсь

в своей квалификации». «Конечно, я понимаю, что был выбран по заслугам».

Ложь. Красивая, отполированная ложь.

Правда была в том, что каждое утро – если можно называть утром произвольную точку на станционных часах – он просыпался с одной и той же мыслью: *сегодня они поймут, что я не должен здесь быть*.

Секвенатор пискнул, выводя на экран очередную порцию данных. Юн придвинулся ближе, щурясь на графики.

Ничего.

Как и вчера. Как и позавчера. Как и каждый проклятый день с момента их прибытия.

Органические молекулы – да. Аминокислоты – да. Сложные углеводороды, липиды, полимерные структуры – да, да, да. Океан Европы был богат химией, насыщен строительными блоками жизни. Но самой жизни...

Юн откинулся на спинку кресла и потёр глаза. Три недели. Восемьдесят семь проб. Ноль результатов.

Может быть, её здесь просто нет. Может быть, мы прилетели к мёртвому миру.

Он знал, что не должен так думать. Знал, что двадцать – или теперь уже двадцать пять – процентов исследованного океана ничего не доказывают. Знал все аргументы, все статистические модели, все причины для надежды.

Но надежда – хрупкая вещь. С каждым пустым образцом она становилась всё тоньше.

Дверь лаборатории открылась, впуская полосу света из коридора. Юн вздрогнул, оборачиваясь.

– Не спишь?

Доктор Северцева. Конечно. Кто же ещё бродит по станции в три часа ночи – по станционному, естественно, потому что снаружи не было ни дня, ни ночи, только вечная тьма океана.

– Работаю, – сказал Юн. Голос прозвучал хрипло – он не разговаривал уже несколько часов.

– Над чем?

– Образцы с сектора G-7. Придонные отложения у восточного склона.

Северцева подошла ближе, вглядываясь в экран. Её лицо в свете монитора казалось ещё более усталым, чем обычно, – тёмные круги под глазами, резче обозначившиеся морщины.

Она тоже не спит, понял Юн. Она тоже ждёт чего-то, что не приходит.

– Что нашёл? – спросила она.

– Ничего особенного. Стандартный набор: аланин, глицин, серин. Следы аспарагиновой кислоты. Никаких клеточных структур.

– Покажи хроматограмму.

Юн вывел на экран график – разноцветные пики на серой сетке координат. Северцева наклонилась ближе, изучая данные с той сосредоточенностью, которую он так в ней... нет, не то чтобы уважал. Боялся? Завидовал? Что-то среднее.

– Вот этот пик, – она ткнула пальцем в экран. – Что это?

Юн посмотрел. Небольшой выступ на графике, едва заметный, который он автоматически классифицировал как шум.

–Arteфакт, скорее всего. Загрязнение или ошибка прибора. Слишком слабый сигнал для надёжной идентификации.

– Какое время удержания?

Юн сверился с данными.

– Двадцать три и семь десятых минуты.

– А теперь сравни с образцами из других секторов. G-4, G-5, F-8.

Он не понимал, к чему она клонит, но послушно открыл файлы. Хроматограммы выстроились в ряд – похожие, но не идентичные.

– Смотри, – Северцева указала на каждый график по очереди. – Здесь. И здесь. И здесь. Тот же пик. То же время удержания. Плюс-минус десятая доля процента.

Юн уставился на экраны. Она была права. Один и тот же сигнал – слабый, едва различимый – присутствовал в нескольких образцах. Он видел его раньше. Видел и... проигнорировал.

– Я... – он почувствовал, как кровь приливает к лицу. – Я не заметил.

– Ты классифицировал его как шум.

– Да.

– Почему?

– Потому что... – Юн замялся. Потому что он был уверен, что ничего не найдёт. Потому что ожидал неудачи. Потому что проще увидеть шум, чем рискнуть и ошибиться. – Потому что сигнал слишком слабый.

– Слабый – не значит несуществующий, – сказала Северцева. Её голос был ровным, без осуждения, но Юн всё равно почувствовал, как сжимается желудок. – Первые признаки жизни всегда слабые. Природа не кричит о себе. Она шепчет.

Юн молча смотрел на графики. Четыре образца. Четыре идентичных пика. Статистически – слишком много для совпадения.

– Что это может быть? – спросил он наконец.

– Не знаю. – Северцева выпрямилась, скрестив руки на груди. – Но я хочу узнать. Откуда эти образцы?

Юн вызвал карту.

– G-4 и G-5 – периферия «Поля Прометея». F-8 – промежуточная зона. G-7 – это... – он осёкся, глядя на координаты.

– Что?

– Это ближе к центру. К основному кластеру гидротермальных источников.

Северцева кивнула – медленно, задумчиво.

– Паттерн, – сказала она. – Чем ближе к «Полю Прометея», тем сильнее сигнал. Правильно?

Юн быстро проверил данные. Она была права. G-7, ближайший к центру, показывал самый выраженный пик.

Остальные – слабее, пропорционально расстоянию.

– Это... – он не знал, как закончить предложение. – Это что-то значит?

– Это значит, что нам нужно туда, – сказала Северцева. – В самое сердце «Поля Прометея».

Юн не пошёл спать в ту ночь.

Вместо этого он сидел в лаборатории, заново анализируя все образцы, которые обработал за три недели. Один за другим, систематически, с новыми параметрами поиска.

И находил.

Тот же пик – снова и снова, в десятках проб. Слабый, но устойчивый. Паттерн, который он пропустил, потому что искал что-то другое. Что-то очевидное, кричащее, однозначное. А нашёл – шёпот.

К шести утра – стационарного – у него была карта. Не официальная, не одобренная, а его собственная, нарисованная от руки на планшете. Красные точки отмечали образцы с пиком, синие – без. Красные группировались в одном месте, образуя неровный круг.

«Поле Прометея».

Юн смотрел на карту и чувствовал... что? Волнение? Страх? Надежду, которую он так старательно давил последние три недели?

Всё сразу.

Дверь открылась. Юн поднял голову – Северцева, снова она. Выглядела так, будто тоже не спала: те же тёмные круги, та же напряжённая линия плеч.

– Показывай, – сказала она вместо приветствия.

Юн развернул планшет. Она изучала карту молча, прослеживая пальцем границы красной зоны.

– Ты молодец, – сказала она наконец.

Юн не поверил своим ушам.

– Что?

– Ты молодец. Хорошая работа.

Он открыл рот, чтобы возразить – сказать, что это она нашла паттерн, что он пропустил очевидное, что без неё он бы так и продолжал смотреть сквозь данные, не видя их, – но Северцева уже отвернулась.

– Собирай всё в отчёт. Через час – совещание с Лоренцем.

– Через час? Но он же...

– Я уже договорилась.

Она вышла, не дожидаясь ответа. Юн остался сидеть, глядя на закрывшуюся дверь.

Хорошая работа.

Когда в последний раз кто-то говорил ему это? Не формально, не для протокола – а так, как сказала она? Просто, честно, без оговорок?

Он не помнил.

Юн тряхнул головой, отгоняя непрошенные мысли, и вернулся к работе. Отчёт сам себя не напишет.

Совещание проходило в кают-компании – единственном помещении на станции, достаточно большом, чтобы вместить всю команду.

Юн сидел в углу, стараясь занимать как можно меньше места. Рядом устроилась Амара – она улыбнулась ему, тёплая и успокаивающая, и он почувствовал себя чуть лучше. Чуть.

Лоренц стоял во главе стола, листая отчёт на планшете. Его лицо ничего не выражало – профессиональная нейтральность, отточенная годами командования.

– Итак, – сказал он наконец, – доктор Северцева, доктор Юн. Вы утверждаете, что обнаружили нечто значимое?

– Не утверждаем, – ответила Северцева. Она сидела напротив Лоренца, прямая, собранная, готовая к бою. – Констатируем. Данные говорят сами за себя.

– Данные говорят о неидентифицированном соединении в следовых количествах. Это не совсем «нечто значимое».

– Это соединение присутствует в сорока трёх процентах образцов. Его концентрация коррелирует с расстоянием от «Поля Прометея». Это не случайность.

Лоренц отложил планшет.

– Я не говорил, что это случайность. Я говорю, что это не доказательство жизни.

– Никто не говорит о доказательстве, – вмешался Ной-

манн со своего места у окна. Он смотрел в иллюминатор – на вечную черноту океана, – но голос звучал ясно. – Речь идёт о достаточном основании для дальнейших исследований. Гипотеза, которую стоит проверить.

– Гипотеза требует экспедиции в центр «Поля Прометей», – сухо заметил Лоренц. – Восемь часов в один конец. Далеко за пределами зоны безопасности.

– Четыре часа, – поправила Северцева. – Не восемь.

– Четыре туда, четыре обратно, плюс время на работу. Итого – минимум двенадцать часов автономного погружения. В районе с экстремальными термальными условиями. – Лоренц покачал головой. – Риск слишком высок.

– Риск – часть работы.

– Моя работа – минимизировать риск, доктор Северцева. Не игнорировать его.

Юн почувствовал, как сгущается атмосфера. Лоренц и Северцева смотрели друг на друга – не враждебно, но... напряжённо. Как два хищника, оценивающих соперника.

– Позвольте, – сказал он, прежде чем успел себя остановить.

Все повернулись к нему. Юн почувствовал, как пересохло во рту.

– Да, доктор Юн? – Голос Лоренца был ровным, выжидающим.

– Я... – Юн сглотнул. – Я хотел бы добавить к отчёту. Кое-что, что я заметил утром.

Он встал, подошёл к настенному экрану и вывел свои графики. Руки слегка дрожали, но голос – к его собственному удивлению – звучал твёрдо.

– Это спектральный анализ неидентифицированного соединения, – начал он. – Мы не смогли определить его структуру точно, но... – он переключил слайд, – вот сравнительные данные. Слева – наше соединение. Справа – земной белок-шаперон, участвующий в фолдинге протеинов.

– И? – спросил Лоренц.

– Паттерны похожи. Не идентичны, но... структурно близки. Как если бы это было что-то, выполняющее аналогичную функцию.

Тишина.

– Вы хотите сказать, – медленно произнёс Нойманн, – что это может быть функциональный белок? Или его аналог?

– Я хочу сказать, что это может быть *биомолекула*, – ответил Юн. – Не просто органика – а органика, выполняющая биологическую роль.

Северцева смотрела на него с выражением, которое он не мог прочесть. Гордость? Одобрение? Что-то ещё?

– Это спекуляция, – сказал Лоренц.

– Да, – согласился Юн. – Но обоснованная. И единственный способ проверить её – это получить образцы из эпицентра. Там, где концентрация соединения максимальна.

Он сел, чувствуя, как гулко бьётся сердце. Он сказал то, что думал. Впервые за долгое время – сказал вслух, перед

всеми, не прячась за оговорками и сомнениями.

Лоренц молчал. Его пальцы постукивали по столу – единственный признак того, что он не так спокоен, как кажется.

– Мнения? – спросил он наконец, обводя взглядом команду.

– Я за экспедицию, – сразу сказала Митчелл. – Ради этого мы здесь. Не для того, чтобы сидеть в коробке и бояться.

– Сара... – начала Амара.

– Что? Это правда. Мы пилоты, учёные, исследователи. Не бюрократы.

– Я не бюрократ, – холодно заметил Лоренц.

– Я не говорила о вас, командир. Я говорила о... – Митчелл осеклась, видимо, поняв, что зашла слишком далеко. – Простите. Но я всё равно за.

– Амара? – Лоренц повернулся к геологу.

– Я... – Амара помедлила. – Я понимаю обе стороны. Риск реален. Но и потенциальная награда... – она посмотрела на карту, всё ещё висящую на экране. – Это шанс, который может не повториться.

– Профессор Нойманн?

Старый физик оторвался от созерцания океана.

– Знаете, Маркус, – сказал он задумчиво, – в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году молодой аспирант по имени Стэнли Миллер собрал примитивную установку из стеклянных колб и провёл эксперимент, который все считали пустой тратой времени. Он пропускал электрические разряды че-

рез смесь газов, имитируя первобытную атмосферу Земли. Его руководитель, Гарольд Юри, был настроен скептически. Коллеги считали это несерьёзным.

– К чему вы...

– К тому, – мягко перебил Нойманн, – что через неделю в этих колбах появились аминокислоты. Строительные блоки жизни – созданные из ничего, кроме газа и электричества. Этот эксперимент изменил наше понимание происхождения жизни. – Он помолчал. – Иногда риск – это не то, чего следует избегать. Иногда риск – это единственный путь к открытию.

Лоренц потёр переносицу.

– Это очень красивая история, профессор. Но Миллер рисковал только своей репутацией. Мы рискуем жизнями.

– Наши жизни принадлежат нам, – сказала Северцева. Её голос был тихим, но в нём звучала сталь. – Мы все знали, на что подписываемся. Каждый из нас.

– Вы – руководитель научной программы. Не всей миссии.

– А вы – командир. Не диктатор.

Юн видел, как дёрнулся желвак на челюсти Лоренца. Северцева тоже это видела – и не отступила. Их взгляды встретились, и в воздухе повисло что-то – не враждебность, но... противостояние. Столкновение двух воль.

– Я не пытаюсь узурпировать вашу власть, Маркус, – сказала Северцева, чуть смягчив тон. – Я пытаюсь сделать свою работу. Ту работу, ради которой мы все здесь.

– Ваша работа – не убить себя и команду в погоне за призраками.

– Это не призраки. Это данные.

– Данные, которые вы интерпретируете так, как вам удобно.

– Я интерпретирую их так, как подсказывает научный метод. Гипотеза, проверка, вывод. Вы предлагаете остановиться на гипотезе и никогда не проверять?

Лоренц открыл рот, чтобы ответить, – и замер. Что-то изменилось в его лице: напряжение чуть отступило, уступив место чему-то вроде усталости.

– Доктор Чэнь, – сказал он, не отрывая взгляда от Северцевой. – Ваше мнение?

Юн почти забыл о враче – она сидела в стороне, тихая и незаметная, как всегда. Но когда она заговорила, все повернулись к ней.

– Психологическое состояние команды – нестабильное, – сказала Лин ровным голосом. – Три недели без значимых результатов. Нарастающая фрустрация. Признаки депрессии у нескольких членов экипажа. – Она не смотрела ни на кого конкретно, но Юн почувствовал, как её слова касаются и его тоже. – Экспедиция – это риск. Но продолжение текущего состояния – тоже риск. Людям нужна цель. Надежда. Что-то, ради чего стоит работать.

– То есть вы за? – уточнил Лоренц.

– Я констатирую факты. Решение – ваше.

Снова тишина. Юн видел, как Лоренц переводит взгляд с одного лица на другое – считает голоса, взвешивает аргументы.

– Волков, – сказал он наконец, обращаясь к инженеру, который до сих пор молчал. – Технически – это возможно?

Волков пожал плечами.

– «Архимед» рассчитан на двадцать часов автономной работы. Запас кислорода, энергии, систем жизнеобеспечения – с избытком. Термальная защита... – он нахмурился. – Температуры в центре «Прометея» – до девяноста градусов. Это предел, но в пределах спецификаций. Если не застрять там надолго.

– «Если».

– Всегда есть «если», командир. Я могу гарантировать, что аппарат выдержит. Не могу гарантировать, что океан не подкинет сюрпризов.

– Какие сюрпризы?

– Без понятия. В том-то и дело: мы не знаем, что там. Может, ничего. Может, что-то, чего мы не предусмотрели.

Лоренц кивнул – медленно, задумчиво.

– Хорошо, – сказал он.

Юн моргнул. Остальные тоже выглядели удивлёнными.

– Хорошо? – переспросила Северцева.

– Экспедиция одобрена, – подтвердил Лоренц. – При следующих условиях. Первое: экипаж – четыре человека. Митчелл – пилот, Северцева – научный руководитель, Юн – ас-

систент. Четвёртым пойду я.

– Вы? – Митчелл не скрывала удивления.

– Я. Если что-то пойдёт не так – я хочу быть там, а не ждать у экрана.

– Маркус... – начала Северцева.

– Это не обсуждается. Второе условие: строгий лимит времени. Четыре часа на дорогу, четыре на работу, четыре на возвращение. Двенадцать часов максимум. Ни минутой больше.

– Четыре часа на работу – это очень мало, – запротестовала Северцева.

– Достаточно для первичного забора проб. Если найдём что-то стоящее – вернёмся снова. Но первая экспедиция – разведка, не полномасштабное исследование. Ясно?

Северцева стиснула зубы, но кивнула.

– Ясно.

– Третье условие: постоянная связь со станцией. Каждые тридцать минут – отчёт. Если связь прервётся на час или больше – Волков начинает спасательную операцию. Без обсуждений.

– Принято, – сказал Волков.

Лоренц обвёл взглядом присутствующих.

– Вопросы? Возражения?

Тишина.

– Тогда готовимся. Старт – завтра, в шесть ноль-ноль. – Он встал. – Все свободны.

Юн вышел из кают-компаний, чувствуя странную смесь облегчения и ужаса.

Они едут. Завтра. К «Полю Прометея». К месту, где, возможно – *возможно* – скрывается то, что они ищут.

И он – часть экипажа.

Почему я? Почему не Нойманн, не Амара, не кто-то более опытный?

Он знал ответ. Северцева выбрала его. Северцева, которая не делала ничего без причины.

– Юн.

Он обернулся. Северцева стояла в коридоре, глядя на него своими серыми глазами – непроницаемыми, как всегда.

– Да?

– Ты хорошо выступил на совещании.

– Я... – он не знал, что сказать. – Спасибо.

– Не благодари. Это факт. – Она помолчала. – Ты готов к завтрашнему дню?

Готов ли он? Юн подумал о двенадцати часах в тесном аппарате, в глубине чужого океана, далеко от любой помощи. Подумал о том, что может пойти не так. Подумал о том, что они могут найти – или не найти.

– Не знаю, – признался он честно.

Северцева кивнула – коротко, деловито.

– Честный ответ. Это хорошо. – Она двинулась по кори-

дору, но на полпути остановилась. – Юн.

– Да?

– Никто никогда не готов по-настоящему. Мы просто делаем вид, что готовы, и идём вперёд.

Она скрылась за поворотом. Юн остался стоять в пустом коридоре, глядя ей вслед.

Мы просто делаем вид, что готовы, и идём вперёд.

Он улыбнулся – впервые за много дней.

Ночь перед экспедицией Юн провёл в лаборатории, готовя оборудование.

Пробоотборники, контейнеры для образцов, портативные анализаторы – всё нужно было проверить, откалибровать, упаковать. Механическая работа, не требующая особых мыслей, – именно то, что ему сейчас было нужно. Руки заняты, голова – относительно свободна.

Около полуночи дверь открылась. Юн поднял голову, ожидая увидеть Северцеву, – но это был Нойманн.

– Не спится? – спросил старый физик, проходя внутрь.

– Работаю.

– Вижу. – Нойманн опустился в кресло рядом, с кряхтением разминая колени. – Артрит. Проклятие старости. Низкая гравитация помогает, но не до конца.

Юн не знал, что на это ответить, поэтому просто кивнул.

– Волнуешься? – спросил Нойманн.

– Да.

– Это нормально. Я бы беспокоился, если бы ты не волновался. – Нойманн помолчал, глядя на контейнеры, которые Юн укладывал в кейс. – Знаешь, я вспоминаю свою первую серьёзную экспедицию. Антарктика, тысяча девятьсот девяносто второй год. Мне было двадцать три – чуть младше тебя. Мы искали метеориты на ледяном щите.

– Нашли?

– Нашли. Сорок два образца, включая один марсианский. – Нойманн улыбнулся воспоминаниям. – Но я не об этом. Я о том, как я себя чувствовал. Уверен был, что облажаюсь. Что все поймут, какой я на самом деле некомпетентный. Что меня взяли по ошибке.

Юн перестал укладывать контейнеры.

– И что случилось?

– Ничего особенного. Я делал свою работу. Ошибался иногда – все ошибаются. Учился. Рос. – Нойманн пожал плечами. – А потом, лет через десять, я понял кое-что важное.

– Что?

– Что все остальные чувствовали то же самое. Все. Даже руководитель экспедиции, профессор с мировым именем. Он признался мне однажды, за рюмкой водки, что каждое утро просыпается с мыслью: «Сегодня они поймут, что я шарлатан».

Юн невольно улыбнулся.

– Это... успокаивает. Как ни странно.

– Это должно успокаивать. – Нойманн встал, снова скрывшись от боли в коленях. – Синдром самозванца – это не болезнь, Юн. Это признак того, что ты достаточно умён, чтобы понимать пределы собственного знания. Глупцы никогда не сомневаются в себе.

– А мудрецы?

– Мудрецы сомневаются – и всё равно идут вперёд. – Нойманн направился к двери, но на пороге остановился. – Удачи завтра. Найди нам что-нибудь интересное.

– Постараюсь.

Дверь закрылась. Юн вернулся к работе, но теперь его руки двигались увереннее.

Синдром самозванца – признак того, что ты достаточно умён.

Странное утешение. Но – утешение.

Утро пришло слишком быстро.

Юн проснулся от сигнала будильника – резкого, немилосердного – и несколько секунд лежал, глядя в потолок. Тело было тяжёлым, глаза – песчаными от недосыпа. Но адреналин уже бежал по венам, прогоняя усталость.

Сегодня.

Он встал, умылся, натянул комбинезон. Завтрак – протеиновый батончик, проглоченный на ходу. Проверка снаряжения – в десятый раз, хотя всё было готово ещё ночью.

В шлюзовом отсеке уже собрались остальные. Митчелл – бодрая, подвижная, с блеском азарта в глазах. Лоренц – собранный, молчаливый. Северцева – сосредоточенная, погружённая в себя.

– Все готовы? – спросил Лоренц.

Кивки. Никаких слов – слова были не нужны.

«Архимед» ждал их в доке – приземистый подводный аппарат, похожий на механического кита. Юн поднялся по трапу, протиснулся через люк и занял своё место в тесном научном отсеке.

Митчелл скользнула в пилотское кресло, её пальцы легли на консоль с привычной уверенностью.

– Системы в норме, – доложила она. – Запас кислорода – двадцать четыре часа. Энергия – полная зарядка. Термозащита – активна.

– Связь со станцией? – спросил Лоренц.

– Стабильная. Волков на линии.

– Волков, слышишь нас?

– Громко и ясно, командир, – донёсся голос инженера из динамиков. – Удачной охоты.

– Принято. – Лоренц повернулся к Митчелл. – Начинай.

Двигатели загудели. Док медленно открылся, выпуская аппарат в черноту океана. Юн смотрел в иллюминатор – крошечный круглый глаз, дающий единственный взгляд на мир снаружи.

Темнота. Абсолютная, всепоглощающая. Прожекторы

«Архимеда» выхватывали конусы света, но за их пределами не было ничего – только бездна.

– Курс на «Поле Прометея», – объявила Митчелл. – Расчётное время прибытия – четыре часа двадцать минут.

Аппарат двинулся вперёд, оставляя станцию позади. Юн откинулся в кресле, закрыл глаза и попытался расслабиться.

Четыре часа. Потом – работа. Потом – возвращение.

Простой план. Что может пойти не так?

Всё, ответил голос в его голове. *Всё может пойти не так.*

Он открыл глаза и посмотрел на Северцеву. Она сидела неподвижно, глядя в иллюминатор, и её лицо было освещено слабым отблеском приборов.

– Доктор Северцева?

Она повернулась к нему.

– Да?

– Что вы... – он замялся. – Что вы ожидаете найти?

Она долго молчала, и Юн уже решил, что она не ответит.

– Ответ, – сказала она наконец. – На вопрос, который я задаю себе с двенадцати лет.

– Какой вопрос?

Северцева снова повернулась к иллюминатору. Темнота смотрела на них, безмолвная и терпеливая.

– Одиноки ли мы, – прошептала она. – Или нет.



Глава 5: Поле Прометея

Вера

За час до старта Лоренц изменил состав экипажа.

– Амара идёт вместо меня, – объявил он в шлюзовом отсеке, когда все уже были готовы к погружению.

Вера замерла с контейнером в руках.

– Что?

– Доктор Окойе – геолог-планетолог. «Поле Прометея» – гидротермальная система. Её экспертиза будет полезнее моей.

– Но вы сказали...

– Я сказал, что хочу быть там, если что-то пойдёт не так. – Лоренц скрестил руки на груди. – Я передумал. Моё место – на станции, у связи. Если что-то пойдёт не так – я координирую спасение.

Вера хотела возразить, но промолчала. Это имело смысл. Больше смысла, чем его первоначальное решение.

– Амара знает? – спросила Митчелл.

– Она уже собирает вещи.

Пять минут спустя Амара появилась в шлюзе – слегка запыхавшаяся, но собранная. Её глаза встретились с глазами Веры, и между ними пробежало что-то невысказанное.

– Готова? – спросила Вера.

– Всегда, – ответила Амара.

Первый час пути прошёл в молчании.

«Архимед» скользил сквозь черноту океана, словно призрак. Его прожекторы выхватывали конусы мутноватой воды – взвесь минеральных частиц, поднятых течениями с дально́го дна. За пределами светового круга не было ничего – только тьма, древняя и терпеливая.

Вера сидела в научном отсеке, проверяя оборудование. Пробоотборники, контейнеры, микроскоп, спектрометр. Всё было готово ещё на станции, но руки требовали занятия, иначе мысли начинали кружиться в бесплодных петлях тревоги.

Мы найдём. Мы должны найти. Все данные указывают на это место.

А если нет?

Тогда... тогда мы будем искать дальше.

Но она знала, что это ложь. Если «Поле Прометея» окажется пустым – миссия провалена. Не официально, не на бумаге. Но в том единственном смысле, который имел для неё значение.

– Вера?

Она подняла голову. Амара стояла в проёме между отсеками, придерживаясь за поручень.

– Да?

– Можно к тебе?

– Конечно.

Амара опустилась на соседнее кресло, пристёгиваясь к нему страховочным ремнём. Несколько секунд они молчали, глядя на индикаторы приборов.

– Ты тоже не можешь уснуть, – сказала Амара. Это был не вопрос.

– Я не пыталась.

– Знаю. Ты никогда не спишь перед важными событиями. Вера слабо улыбнулась.

– Ты помнишь.

– Антарктика. Две тысячи семьдесят четвёртый. Ты не спала трое суток перед тем, как мы достигли подлёдного озера Восток-2.

– И ничего не нашли.

– Нашли уникальную микробиоту. Три новых вида экстремофилов.

– Земную микробиоту, – возразила Вера. – Ничего такого, чего нельзя было бы найти где-нибудь ещё.

Амара покачала головой.

– Ты всегда так. Обесцениваешь то, что есть, в погоне за тем, чего хочешь.

– Это называется «научные амбиции».

– Это называется «неспособность радоваться малому».

Вера хотела возразить, но осеклась. Амара была права – как и всегда, когда дело касалось её характера. Они знали друг друга слишком давно, чтобы притворяться.

– Может быть, – признала она. – Но я не могу быть другой.

– Никто не просит тебя быть другой. – Амара потянулась и сжала её руку – мимолётно, легко. – Я просто хочу, чтобы ты... увидела то, что найдёшь. Не через призму того, что надеялась найти.

Вера не ответила. За иллюминатором проплыла какая-то тень – слишком быстро, чтобы разглядеть.

– Два часа до цели, – объявила Митчелл из пилотской кабины. – Всё штатно, расход энергии в пределах нормы.

– Принято, – отозвалась Вера машинально.

Тишина вернулась. Но теперь она была другой – не давящей, а задумчивой.

– Амара, – сказала Вера после долгой паузы.

– Да?

– Как ты это делаешь?

– Что именно?

– Веришь. – Вера повернулась к ней, изучая её лицо в полутьме отсека. – Во всё это. В Бога. В смысл. В... – она запнулась, подбирая слова. – Ты учёный. Ты знаешь, как устроен мир. Знаешь, что нет никаких доказательств...

– Доказательств чего?

– Чего угодно. Бога, души, загробной жизни. Всего того, во что верят религиозные люди.

Амара улыбнулась – мягко, без снисходительности.

– Ты думаешь, что вера и доказательства – противоположности?

– Разве нет?

– Нет. – Амара откинулась в кресле, глядя на мерцающие индикаторы. – Вера – это не утверждение факта. Это... позиция. Выбор, как смотреть на мир.

– Выбор верить в то, что не доказано?

– Выбор видеть смысл там, где другие видят хаос. – Амара помолчала. – Когда я смотрю на звёзды, я вижу не просто термоядерные реакторы. Я вижу... – она замялась. – Это сложно объяснить. Присутствие. Намерение. Что-то, что хочет быть увиденным.

– Это антропоморфизм. Проекция человеческих качеств на безличные процессы.

– Может быть. – Амара пожала плечами. – А может быть, это способность видеть то, что наука пока не умеет измерить. Вера нахмурилась.

– Это опасная риторика. «То, что наука не может измерить» – любимая лазейка шарлатанов.

– Я не говорю о шарлатанах. Я говорю о... – Амара подняла руку, обводя жестом тесное пространство аппарата. – Смотри, где мы. Под пятнадцатью километрами льда, на дне океана чужой луны. Три миллиарда лет назад здесь, возможно, зародилась жизнь. Параллельно нашей. Независимо. Ты не видишь в этом... чуда?

– Я вижу химию. Законы природы, работающие так, как они работают везде.

– А я вижу и то, и другое. – Амара снова улыбнулась. –

Чудо не противоречит химии, Вера. Чудо – это то, что мы чувствуем, глядя на химию. Это отношение, а не факт.

Вера хотела спорить, но что-то остановило её. Может быть, усталость. Может быть, понимание, что этот спор они вели уже десятки раз и никогда не приходили к согласию. Может быть, что-то ещё.

– Ты не пытаешься меня обратить? – спросила она с лёгкой иронией.

– Боже упаси. – Амара рассмеялась. – Ты – последний человек, которого можно обратить. И первый, кому это не нужно.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты уже веришь, Вера. Только называешь это иначе.

– Называю как?

– «Научная страсть». «Поиск истины». «Жажда знания». – Амара загибала пальцы. – Ты посвятила жизнь вопросу о происхождении жизни. Ты пролетела миллиарды километров, чтобы найти ответ. Это не вера?

– Это... – Вера осеклась. – Это другое.

– Почему?

– Потому что я ищу ответ. Не принимаю готовый.

– А я принимаю готовый?

Вера открыла рот, чтобы ответить, – и замолчала. Вопрос был ловушкой, и она чуть не попалась.

– Ладно, – сказала она наконец. – Ты права. Это... сложнее, чем я привыкла думать.

– Всё сложнее, чем мы привыкли думать. – Амара встала, разминая затёкшие ноги. – Пойду проверю оборудование. Час до прибытия.

Она ушла, оставив Веру наедине с мыслями. За иллюминатором тьма оставалась неизменной – но теперь Вере казалось, что в ней есть что-то ещё. Что-то, что смотрит в ответ.

Чудо – это отношение, а не факт.

Она не была уверена, что согласна. Но впервые за долгое время – задумалась.

Амара

Температура за бортом росла.

Амара следила за показаниями датчиков, отмечая изменения. Минус два градуса на старте. Ноль – через час. Плюс десять – через два. Они приближались к «Полю Прометея», и океан становился теплее.

– Плюс двадцать пять, – доложила она. – Мы входим в зону термического влияния.

– Вижу, – отозвалась Митчелл. – Течения усиливаются. Держитесь крепче.

Аппарат качнуло – не сильно, но ощутимо. Амара вцепилась в поручень, глядя в иллюминатор. Тьма за стеклом была уже не однородной: в ней появились оттенки – более тёмные и менее тёмные области, намёк на движение.

– Глубина? – спросила Вера.

– Восемьдесят семь километров от поверхности льда, – ответила Митчелл. – Тринадцать километров до дна. Мы практически у цели.

Амара переключила камеру внешнего обзора на максимальное разрешение. Экран заполнила картинка – прожекторы «Архимеда» пронзали мутную воду, высвечивая взвесь частиц.

– Видимость падает, – заметила она. – Много минеральных осадков.

– Это хорошо или плохо? – спросил Юн.

– Это значит, что мы близко к источникам. Гидротермальные выбросы несут с собой тонны минералов – сульфиды, оксиды железа, силикаты. Они создают эту... дымку.

Как туман над горячими источниками, подумала она. Только здесь – в ста километрах под поверхностью чужого мира.

– Плюс сорок, – доложила она. – Температура продолжает расти.

– Термозащита? – спросил Вера.

– В норме. Мы рассчитаны на девяносто.

Аппарат нырнул ниже, пробивая слои всё более тёплой воды. Амара чувствовала, как меняется характер движения – течения становились хаотичнее, турбулентнее. «Архимед» потряхивало, как самолёт в зоне турбулентности.

– Плюс пятьдесят. Пятьдесят пять. Шестьдесят.

– Сара, сбавь скорость, – скомандовала Вера.

– Уже, – отозвалась пилот. – Мы почти на месте. Глубина сто километров... девяносто девять... девяносто восемь...

– Вижу дно! – воскликнул Юн.

Амара переключила камеру на нижний обзор – и задержала дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.